

КИРИЛЛ КЛЕВАНСКИЙ



Сердце рако́н XI

ИДДК

Сердце Дракона

Кирилл Клеванский

Сердце Дракона. Книга 11

«ИДДК»

2020

Клеванский К. С.

Сердце Дракона. Книга 11 / К. С. Клеванский — «ИДДК»,
2020 — (Сердце Дракона)

«Сердце Дракона» – фантастический роман Кирилла Клеванского, одиннадцатая книга цикла, жанр героическое фэнтези, приключения, боевое фэнтези. Новое приключение Безумного Генерала. Все громче стучат военные барабаны. Все жарче распалются кузнечные горны. Война пришла в земли Дарнаса. Хаджар Дархан, вновь надевший генеральский медальон, все глубже и глубже погружается в интриги двух империй. Чем происходящее обернется для прославленного воина на этот раз?

Содержание

Глава 936	6
Глава 937	9
Глава 938	12
Глава 939	15
Глава 940	18
Глава 941	21
Глава 942	26
Глава 943	29
Глава 944	32
Глава 945	35
Глава 946	38
Глава 947	41
Глава 948	45
Глава 949	48
Глава 950	51
Глава 951	54
Глава 952	57
Глава 953	60
Глава 954	63
Глава 955	66
Глава 956	69
Глава 957	72
Глава 958	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Кирилл Клеванский

Сердце Дракона. Книга 11

© Клеванский Кирилл

© ИДДК

* * *

Глава 936

– Кажется, на этом все. – Чин’Аме, следивший до этого за ходом поединка между бастардом племени Лазурного Облака и рабом бога войны, нервно теребил свисавшую до пояса ленту тюрбана.

Это не могло укрыться от внимания Моргана. Хотя в данный момент его больше волновала не заинтересованность мастера-дракона в мальчишке, а сам мальчишка.

Хаджар Дархан – очередная мелкая рыбешка в местном пруду, которая возомнила себя карпом, способным преодолеть законы неба и земли и переродиться Хозяином Небес.

Таких на памяти Моргана было столько, что не хватило бы волос на головах всех придворных дам, чтобы их сосчитать.

И каждый раз император использовал их в своих целях, а потом выкидывал за ненадобностью в большой мир, где их съедали более крупные рыбы.

Но с Дарханом... видят боги и демоны, с ним что-то было не так. Он обладал не просто невероятной способностью выбираться из всех передрыг, куда по собственной глупости попадал, но при этом и выходить из них с пользой для себя.

И сам факт того, что император знал имя и предысторию простого Рыцаря духа, уже впечатлял.

Хотя, разумеется, самую значимую роль в сложившейся ситуации сыграл именно Орун.

– Молодому Хаджару еще есть куда расти, – улыбнулся Чин’Аме.

В этот самый момент рыжеволосый Танигед нанес мощный удар в грудь Дархану. Морган прекрасно понимал, что если бы второй по силе из великих героев собирался убить его подданного, то у Дархана не было бы ни шанса.

Морган потерял правое плечо. Там, под дорогими одеждами и сложными узорами татуировок, был скрыт шрам – напоминание о временах, когда они с Танигедом сражались друг против друга.

Тогда рыжеволосый боец еще не был подданным Ласкана, а выступал в роли наемника, который сражался за ту империю, которая ему больше платила.

В ударе, который разорвал Божественные доспехи Зова молодого Дархана и, пробив им несколько тяжелых скал, протащил по небу сотню метров, Танигед, как рассудил Морган, не использовал и половины своей силы.

Лишь шесть человек во всех семи империях могли сравниться с Оруном в силе. И, что пугало, четыре из них жили именно в Ласкане.

Подобный перевес в качестве, а не количестве великих героев и заставил Дарнас уйти вперед в техническом развитии. “Ярость смертного неба” – судно, которое обеспечивало баланс на чаше весов разгорающейся войны.

Вот только императорами не становятся те, кто не могут просчитать хотя бы на десять шагов вперед. Если регент-мать ласканского императора (у которого еще и волосы на яйцах не отросли) соизволила перейти границу, значит, у нее был план.

План, деталей которого Морган не знал.

Пока не знал...

Взгляды Танигеда Облачного и Моргана Бесстрашного пересеклись. Старые враги, не раз сходившиеся в смертельных поединках, они коротко кивнули друг другу в знак признания. Затем Танигед с телом Дерека Степного на плечах исчез в своей технике “Шага сквозь облака”.

Пожалуй, единственная техника в семи империях, которая была равна по скорости “Шагу белой молнии”. Легенды гласили, что их создал один и тот же адепт, достигший бессмертия.

Кстати, о бессмертии: надо будет взять с ректора “Святого Неба” определенные клятвы и немедленно записать столь важную информацию исключительно для библиотеки императорского рода.

Даже намек на обретение бессмертия может перевернуть ход вой...

– Ваше императорское величество, – вдруг согнулся Чин’Аме. Взгляд его был направлен далеко на запад. Куда-то за горизонт.

Ректор и император в который раз переглянулись. Лишь они двое во всем Дарнасе знали, куда именно смотрел мастер-дракон. Взгляд волшебника был направлен на его родину – на землю сеньора всех семи империй.

Страну драконов.

– Если это как-то связано с задержкой дани, великий Чин’Аме, мы...

– Нет, юный Морган. – Глава павильона Волшебного Рассвета выпрямился. По его лбу стекали капли пота, а из носа струилась волшебная кровь. Даже одной ее капли хватило бы, чтобы заставить алхимиков Даанатана в прямом смысле слова рвать друг другу глотки. Мерцающая, искрящаяся наподобие жидкого кристалла, кровь дракона считалась невероятно могущественным ингредиентом. – Ты знаешь законы – пока вы с Ласканом в состоянии прямой войны, Рубиновый Дворец позволяет вам отложить выплату дани до ее окончания.

Император кивнул. Древний закон, который установили еще несколько эпох назад. Закон, который наряду со многими позволял семи империям практически не чувствовать на себе присутствия сеньора. Они были настолько независимы, насколько вообще в этом мире сильных может быть независим тот, кто не является сильнейшим в регионе.

– Нас призывают обратно на родину. – Чин’Аме достал платок, вытер им каплю крови и, аккуратно сложив, протянул Моргану. – Передай это юному Хаджару Дархану. Скажи, что разговор, который мы с ним имели, теперь жизненно важен для него.

– Конечно, великий Чин’Аме, – с легким поклоном император принял платок.

Не время и не место показывать, что он в очередной раз поражен тем, что этот адепт уже успел и с мастером-драконом парой слов перекинуться. Причем так, что между ними явно образовалась какая-то связь.

Перед тем как превратиться в волну незримого света, Чин’Аме бросил последний взгляд на поле битвы. Вернее на то, во что сражение двух адептов превратило некогда красивую равнину, которая успокаивала душу Моргана.

Пройдет еще около года до того, как восстановятся потоки Реки Мира и та смоет с лица земли урон, нанесенный адептами. Равнина обязательно вернет свой прежний облик... пусть и не сразу.

– Бедная девочка... – прошептал Чин’Аме. – Встретить истинного спутника жизни и потерять его... я буду ждать песни бардов об этом дне, юный Морган. Передай ей от меня.

Чин’Аме исчез – настолько быстро, таинственно и мистично, что, в отличие от техник перемещения Танигеда или Хаджара, Морган не смог не то что почувствовать, но даже интуитивно ощутить момент, когда мастер-дракон покинул его дворец.

Единственное, что он видел перед собой – лежащую на парапете простую нефритовую заколку для волос. На ней было начертано несколько символов на драконьем языке.

Языке, который, имея словари и азбуки, не мог выучить ни один смертный и даже бессмертный. Лишь драконы умели на нем общаться.

– Мой император, – внезапно поклонился ректор, – я не ослышался? Он действительно сказал “нас”?

– Да, ты не ослыш... – Морган внезапно осекся. За последний час произошло так много выбивающихся из его поля зрения событий, что он, будто неопытный мальчишка, не смог зацепиться за оговорку мастера-дракона.

Проклятье...

Проклятье!

Получается, все это время по его земле ходил еще один представитель драконьего племени, а Морган об этом даже не знал. Но... император драконов не стал бы призывать в свой дворец всякую мелкую сошку. Чин'Аме занимал в стране драконов позицию, сравнимую с той, которую имел стоящий рядом с Морганом ректор "Святого Неба".

А значит, император собирал только цвет общества.

Только вот что представитель высокого круга страны драконов забыл в Дарнасе?

И, самое главное, почему Морган ничего об этом не знал?!

Император коснулся медальона на своей груди и, посылая внутрь искру воли и энергии, буквально прорычал:

– Глава Тайной Канцелярии!

А затем, повернувшись к полю битвы, глазам нашел девушку, о которой говорил Чин'Аме.

Проклятье богов и демонов!

И почему это должна быть именно опальная Динос...

Глава 937

Анис, прикрыв рот ладонями, смотрела в бессильном порыве как-то помочь на то, как из кричащего в безумной агонии Гэлхада выходят потоки зеленого света. Из прорезей сочленений доспехов, из забрала шлема, из каждой мелкой щели к небу устремлялись потоки отвратной, мертвенной энергии.

Гэлхад при этом кричал так, будто из него вынимали душу.

Анис лишь беззвучно роняла слезы. Неспособная никак помочь, она сидела на коленях рядом с возлюбленным.

А затем все прекратилось. Свет исчез, и Гэлхад замер. Секунда, две, три – ничего не происходило.

– Анис... – внезапно донеслось из недр шлема.

Эхо, которое Анис слышала, на мгновение ее удивило и ужаснуло. Звучало так, как если бы в огромный рыцарский доспех обрядили кого-то, кому тот был велик втрое или даже вчетверо. Впрочем, уже меньше чем через удар сердца волнение сменилось радостью.

Радостью от осознания, что возлюбленный снова с ней.

Она так хотела увидеть его лицо. Провести пальцами по вьющимся волосам, заглянуть в родные глаза.

– Сейчас, подожди, – сквозь слезы улыбнулась мечница. – Я помогу тебе.

Она потянулась пальцами к шлему, но ее руку перехватила латная перчатка. С трудом, тяжело, медленно. Буквально за мгновение до того, как Анис смогла отщелкнуть застёжки на кожаных ремнях.

– Нет... не... надо, – очередное эхо от слегка булькающего хрипа. – Не хочу... чтобы ты... видела... таким.

Анис не раз и не два становилась свидетельницей того, как умирают от ран бойцы. Она не была опытным военным или лекарем, чтобы по звуку определить характер раны, но то, что она слышала, не оставляло сомнений.

Гэлхад был тяжело ранен. Настолько, что кровь скопилась уже не только в легких, но и в остальных внутренних органах.

– Тебя нужно срочно к Марнилам! Тетя Доры что-нибудь прид...

Анис потянулась помочь Гэлхаду встать, но латная перчатка не отпускала ее запястье.

– Не надо... – повторило эхо. – Мне... уже... не помочь.

– Что такое ты говоришь?! – Слезы вновь потекли из глаз Анис. – Конечно, я помогу тебе! Ты просто бредишь немного, вот и все...

– Посмотри... через... реку.

Анис замотала головой. Настолько яростно, что ее собранные в пучок волосы разметались по плечам. Она заранее знала, что именно увидит, когда посмотрит на Гэлхада сквозь Реку Мира, но все же...

Она лишь приговаривала:

– Все будет хорошо. – И ее слезы стучали по забралу латного шлема. – Пойдем... поднимайся... все будет хорошо...

– Посмотри! – из последних сил, заходясь в смертном хрипе, закричал Гэлхад... или то, что от него осталось.

Анис посмотрела. Прикрыв глаза, она обратила свой взор к безмятежным потокам Реки Мира. Все сущее было заключено в ее холодные объятия. Все, что когда-либо ходило под светом холодных звезд, да и сами они – все зримое и незримое.

Река Мира была всем, и в то же время она существовала лишь в той тонкой грани, которая соединяла четыре мифических мира. Кто-то даже говорил, что она и была их границей.

Реальность исчезла – ее заменили нити энергий, сплетавшиеся в формы, которые не мог вообразить себе ни один смертный. Ибо представить даже простой камень как невероятно сложную энергию им было неподвластно.

Каждый адепт при взгляде через Реку Мира выглядел как сложная система из энергетических каналов: рек и узлов – врат. Но то, что предстало взору Анис, когда та посмотрела на Гэлхада...

Это было ужасно.

Пугающе настолько, что лишь чудом мечница сдержалась, чтобы не отшатнуться в ужасе от увиденного. Чтобы Дерек ни сделал со своим пленником, он не оставил от него ничего человеческого.

Во всяком случае, живого человеческого.

Боль, которую в данный момент должен был испытывать Гэлхад... Анис не могла себе представить подобные муки.

Латная перчатка, дрожа и шатаясь, поднялась на уровень лица Анис.

– Не... плачь... любовь... моя. – Железный палец вытер слезу на щеке девушки. – Я... хочу увидеть... твою улыбку... в последний раз.

Анис улыбнулась. Сквозь слезы. Сквозь душевную боль. Сквозь бессильное отчаянье, которое пожирало ее изнутри.

Гэлхад смотрел на нее. На черные как ночь волосы и светящиеся изумрудами глаза. Она была прекрасна. Прекрасна в каждом движении длинных ресниц, в каждом вздохе коралловых губ, в каждом изгибе белоснежной кожи и смешливом подмигивании незаметных веснушек.

Те несколько скоротечных лет, которые он провел, держа ее в своих объятиях, были самыми счастливыми в его жизни.

– Мы... победили?

Анис кивнула.

– Ты победил, – прошептала она.

Гэлхад откинулся на спину. Его рука скользнула на живот возлюбленной. Где-то рядом ударила белая молния. Из нее вышли Том, Эйнен с Дорой и Хаджар.

Они рванули было к нему, но тут же застыли. Их взорам предстало то же зрелище, что увидела и Анис.

Гэлхада уже было не спасти. Даже величайшая из магий исцеления не помогла бы сейчас. Просто потому, что она была направлена на сохранение жизни. И невозможно ее сохранить там, где уже властвовала смерть.

На земле лежал не живой Гэлхад, а мертвый. И лишь по какой-то мистической, таинственной причине он все еще не покидал пределов мира живых.

– Друзья... мои, – прошептал он, глядя на лица четырех адептов. – Для меня... было... честью... биться с вами.

Они подошли к нему. Встали рядом и, обнажив оружие, вонзили его в землю. Высшее проявление уважения перед адептом. Высшая почесть, которую можно заслужить в этом мире...

Теперь Гэлхад это понял.

Понял, что счастье было так близко.

Что счастье – было.

И оно было вовсе не в пути развития, вовсе не в силе...

Он посмотрел на возлюбленную, на друзей, которые когда-то были его врагами.

Вот оно – счастье.

– Назови его... назови моего сына... – хрипел он, чувствуя, как длань праотцев уже стирается над ним. – Асмерхэд.

– Асмерхэд, – улыбнулась Анис. – Безмятежная вершина.

– Я... буду... ждать тебя. Но... молю... не торопись... ко мне.

Она еще сжимала латную перчатку, когда то, что заменяло Гэлхаду жизнь, покинуло его тело. Стекланные глаза смотрели на плывущие по небу безмятежные облака...

Под ними кружили вороны.

В недоумении они смотрели на поле битвы, после которой осталось всего одно тело – все остальные мертвые исчезли прахом, когда погиб Дерек.

Десятки тысяч убитых легионеров и ни одного тела, чтобы опустить знамена перед жаром погребальных костров. Не над кем спеть тризны.

Лишь груды порванных и истерзанных доспехов.

Воинов прошлого и воинов настоящего.

И над ними, блестящими под жарким солнцем, разлетался плач женщины, которая потеряла на войне своего возлюбленного.

* * *

Костер к ночи все же сложили. Огромную башню из дерева построили за единственной оборонительной заставой, которая уцелела в битве. Но на ней не было тел. Только доспехи и клинки. Их плавил, отдавая дань памяти тем, кто ушел в битве.

А на вершине костра лежал могучий рыцарь, сжимавший лежавшую на груди секиру.

В руках Анис все еще пылал факел, которым она подожгла хворост под башней. На ее щеках так и не высохли сползающие к подбородку слезы.

Левой рукой она держалась за низ живота.

Хаджар смотрел на нее и понимал, что лишь великая сила останавливала ее от того, чтобы рухнуть под тяжестью душевных ран. Та сила, которую женщина приобретает, когда становится матерью...

Рядом с Хаджаром за столом тризны, который легионерам заменяли сложенные на земле бревна с простой брагой и хлебом, сидели Карейн Тарез, молча пьющий за здоровье вояк, Дора Марнил, Эйнен Островитянин, Анетт из племени Шук'Арка и даже Том Динос.

Все они пережили эту битву, прошли предшествующие ей путешествия и теперь провожали в последний путь того, кто уже не мог с ними сидеть...

В ожидании войны, в томительном ее призывании, в тоске по лязгу оружия о доспехи и бою военных барабанов Хаджар совсем забыл, как сильно, как до глубины души и пылающей в ней ярости он ненавидит войну.

Он ждал ее, пожалуй, лишь для того только, чтобы возненавидеть еще больше.

– Хаджар Дархан, – позади, из сумрака и тени, вышла Рекка Геран, – император хочет с тобой говорить. Немедленно.

Хаджар молча достал из пространственного кольца свой старый, побитый ронг'жа. Затертый, помятый, но не забытый.

– Он подождет, – ответил Хаджар и, не обращая внимания на глубокий шок Рекки, тронул струны.

Даже если бы Яшмовый Император или князь демонов позвали его на аудиенцию, им пришлось бы ждать до тех пор, пока Хаджар не споет.

Не споет песню тризны по ушедшему соратнику... ушедшему другу.

Другу, которого он нашел лишь после его смерти...

Глава 938

В огромном зале, в котором могло бы поместиться до двух тысяч пар гостей, сейчас находилось всего несколько человек. Над их головами возвышались стены, которые смыкались сверкающим сводом на такой высоте, что сильнейший смертный не смог бы дотянуться до него выстрелом стрелы из самого крепкого лука.

Чин'Аме не переставал восхищаться этим сводом. Даже прими он истинный облик Хозяина Небес, смог бы чувствовать себя так же комфортно, как в родной пещере.

Но еще больше, чем размахом сооружения, созданного при правлении племени Громого Облака, глава павильона Волшебного Рассвета восхищался его красотой.

Как любой дракон, он ценил красоту. Красоту во всем – как в телах, мыслях и чаяниях, так и в простых физических вещах. И Чин'Аме мог поклясться Высоким Небом и духом предка, что во всем регионе белого дракона нельзя было найти сооружения прекраснее, чем свод императорского дворца в стране драконов.

В тронном зале не было ни единого окна. Стены – глухие, монолитные, толщиной в несколько метров, сложенные из крепчайшего благородного камня, украшенные резьбой, гобеленами и картинами, – не имели ни единого витража, ни одной бойницы.

И все же в зале было светло днем и темно ночью.

Мастера прошлого, по легендам и слухам, подгорные гномы, которых древний император нанял для строительства этого великолепия, создали невозможное.

Потолок, полностью сложенный из рубинов высшей пробы и покрытый всевозможными волшебными рунами и знаками, мог принимать самые разнообразные состояния.

Он мог стать таким плотным, что даже удар Чин'Аме, пребывавшего в своей истинной форме, не сумел бы его оцарапать. А мог стать прозрачным и почти незримым – пропускающим свет солнца или луны. Но при этом он всегда оставался там. Этот рубиновый свод.

И те сцены прошлого, что были выложены на нем из все тех же рубинов, поражали своей масштабностью и детализированностью. Чин'Аме даже сейчас, спустя эпохи, не мог перестать наслаждаться тем, что мог различить мельчайший узор на гербе племени Грозового Облака, – и все это создано из одних лишь рубинов.

Казалось бы, простых, не волшебных, лишенных энергии камней из края смертных.

– Глава павильона Волшебного Рассвета, – прозвучал глубокий сильный голос. – Твое слово.

Сделав шаг назад, дракон наклонился и сложил руки перед собой. Он склонил голову, коснулся рогами локтей и опустился на колени. Трижды поклонившись сначала императору, а затем, как того требовал этикет, гербу племени, Чин'Аме выпрямился.

На троне, созданном из сплава всех драгоценных металлов, которые только имелись в регионе белого дракона, сидел мужчина. Ростом ровно два метра, широкий в плечах, с мощным волевым подбородком и широкими скулами. Его густые, черные кустистые брови были нахмурены. Чистые глаза, пропитанные властью и первобытной мощью, сверкали острым интеллектом.

Одетый в черно-золотые, просторные одежды из драгоценнейшей ткани, с короной о семи зубцах, он не сводил взгляда со своих подданных.

Его трон стоял на пьедестале, к которому вело четырнадцать ступеней. И на каждой прямо в камень были воткнуты мечи, копья, молоты, секиры, топоры, кинжалы и прочие разновидности оружия.

Этим император драконов подчеркивал, что ему не нужна стража или телохранители. Он не боялся никого и ничего.

Его ладонь лежала на рукояти гигантского боевого топора, который был приставлен к подлокотнику трона.

– Мой император. – Чин'Аме больше не кланялся.

Он не прятал взгляда. Как и император на троне, он не чувствовал страха. Давно уже прошло то время, когда он боялся правителя. Теперь же его руки сжимали волшебный посох, в разуме хранились знания столь удивительных и тонких мистерий, что их невозможно было описать словом и передать ученикам.

Чин'Аме был волшебником. Тем, чей взор пронзает Реку Мира, а воля меняет ее ток. Ему были ведомы тайны пятисот сорока шести Слов. И ни один из магов-драконов из прошлого, кроме разве что покойного мудреца Ху'Чина – Синего Пламени, не смог бы потягаться с ним в искусстве магии.

Прошли те эпохи, когда он, слабый и хилый, боялся идущих по пути оружия. Их королевств и техник.

– Объясни мне, волшебник, как так получилось, что в Дарнасе, куда отправился за новым слугой для своего павильона, ты не заметил безродного дракона.

– Потому что я не видел там ни одного другого соплеменника, кроме министра Джу, – Чин'Аме кивнул на стоящего рядом министра.

Тот, как и всегда, выглядел чванливо и надменно. Его наряд лишь немногим уступал тому, в котором сидел и сам император. А уж про сокровищницу Джу, которую тот, как ходили слухи, наполнил не самым честным путем, Чин'Аме даже думать не хотелось.

Получи его павильон хоть десятую долю богатств министра, и они смогли бы привести магию в стране драконов к настоящему, а не метафорическому рассвету.

– Ты лжешь, Чин'Аме, – прошипел Джу. Его глаза сверкнули янтарем и звериной яростью. – Я знаю, что ты лжешь!

– Откуда, министр? – изогнул бровь Чин'Аме. – Неужели есть что-то такое, о чем вы по ошибке, разумеется, не поведали этому совету? – Чин'Аме обвел рукой стоявших позади министров и глав павильонов. – И самому императору, да простирается в вечность вокруг него Высокое Небо.

– Ты обвиняешь меня в измене, безродный?!

Теперь уже глаза волшебника вспыхнули яростью, а энергии и мистерии вокруг него задышали магией.

– Слова обладают великой силой, министр. – Дыхание Чин'Аме заставляло других глав павильонов потянуться ладонями к оружию, а кто-то готовился в любой момент принять истинную форму, что для существ их уровня было сродни унижению, но жизнь дороже. – Следите за ними внимательно, если не хотите узнать это на себе.

– Ты угрожаешь мне, плебей?!

– ХВАТИТ! – Рев императора заставил всех, кто стоял в зале, пасть ниц.

И не потому, что таков был закон, просто никто не смог устоять на ногах. Мощь императора драконов находилась на таком уровне, что даже Чин'Аме не мог ее осознать. Он был уверен в своей способности сбежать от императора, но победить его в честной схватке...

Во всем регионе белого дракона не найдется ни одного живого существа, человека, орка или эльфа, который был бы способен на это.

Пока не найдется...

– Слушайте мое слово, министр Джу и Чин'Аме. Отправляйтесь обратно в Дарнас. Найдите мне этого безродного и приведите сюда. В целостности и сохранности. – Тут уста императора исказила улыбка. Плотоядная. Хищная. Дикая. Демонстрирующая ряды жутких, даже для Чин'Аме, клыков. – ЕГО – в целостности и сохранности. Что до Дарнаса... за укрывание беглого дракона им придется ответить! Но об этом позже. Сейчас можете быть свободны.

Министр Джу и Чин'Аме, поклонившись, направились к выходу из тронного зала Рубинового Дворца.

* * *

– Проходи, он ждет тебя.

Полог шатра отодвинулся, и хромая фигура в пыльном, покрытом грязью, рваном плаще вошла внутрь.

Она тут же ударила себя кулаками в грудь, а затем опустилась на колени.

– Первый Вождь!

Секундная тишина.

– Поднимись, Степной Клык, последний из племени Степного Волка. Скажи мне, что привело тебя сюда?

Степной Клык посмотрел на огромного краснокожего орка, сидящего перед ним. Тот ласкал пальцами пламя костра, которое отразилось на изуродованном лице Степного Клыка.

– Я пришел просить твоих охотников, Первый Вождь, – прорычал он, – чтобы те отправились со мной через большую воду и Дикие Скалы в земли родины Степного Волка и отомстили за падших собратьев.

– Ты зовешь меня на войну с империей людей, брат?

– Империей? – Степной Клык утробно зарычал. – ИМПЕРИЯМИ!

Глава 939

Даанатан встретил едущих на конях, любезно предоставленных пятым легионом, трех адептов пустынным безмолвием полуночи. В час, когда, по старым легендам, ворожат ведьмы, стараясь украсть души и новорожденных и первенцев.

Ведьмин час, так его называли смертные.

Но одно дело простые смертные и совсем другое – столица Дарнаса, город тысячи огней и бесчисленного множества жителей. Махина, возвышавшаяся посреди бескрайней пустоши.

Ее стены, поднимаясь высоко к небу, могли служить настоящими проспектами – на их парапетах спокойно разъехались бы три кареты или четыре повозки.

В центре поднимался тонким шпилем обычно ульем шипящий небесный порт, на разных уровнях которого были пришвартованы сотни и тысячи судов.

Днем по улицам сновали люди по своим делам, а ночью они же выходили гулять, веселиться, продолжать свой вечный праздник вереницы веков жизни адепта.

Столица империи всегда дышала жизнью... всегда, но не теперь.

Пустые улицы, закрытые ставни на окнах домов, широкие проспекты, по которым редко когда кто проезжал, кроме военного патруля. Иногда стучали железные каблуки стальных сапог, которыми звенели гвардейцы, отправленные в очередной патруль.

– Комендантский час, – пояснила Рекка для Эйнена и Хаджара, едущих следом за ней. – С десяти часов вечера любой, кто окажется на улице, будет подвергнут тщательному обыску и проверке.

Хаджар посмотрел в сторону “Запретного города”. Из-за того, что дворец императора находился в низине и был окружен не только высокими стенами, но и непроницаемым волшебным куполом, увидеть, что там сейчас происходило, не было ни единой возможности.

Зато взорам открывался вид на административный центр – самую богатую улицу, где стояли дома-дворцы состоятельных дворян и аристократов.

Там же находилось и ателье, в котором Хаджар приобрел себе одежду для злосчастного приема во дворце. Заведение мисс Брами, находящееся едва ли не в центре Восьмого проспекта – клочка земли, где, чтобы построить дом, нужно было иметь имперских монет по весу двадцати таких коней, как тот, на котором ехал Хаджар.

– Разумеется, он касается не всех районов, – ответила на молчаливый вопрос Рекка и тут же мотнула головой в сторону двух аристократических кварталов на севере города. Они, больше напоминающие парк, принадлежали эльфам Дома Зеленого Молота, за высокими стенами там спрятались от внешнего мира лучшие мечники страны, Хищные Клинки.

В них, как и в кварталах еще пяти аристократических родов, было, как всегда, оживленно и ярко. На фоне несметных огней остальная часть столицы выглядела даже несколько убого.

– Они обеспечивают свою защиту самостоятельно, – продолжала Рекка. – А нам с вами требуется поторопиться. Вернее тебе, Хаджар. Эйнена и меня император на разговор не приглашал.

– Если ему так требуется, чтобы я поторопился, могу хоть сейчас оказаться в его дворце.

Рекка, не останавливая коня, обернулась. Ее серые волосы, собранные в тугий пучок, слегка блестели. Какой бы силы ни был адепт, он в первую очередь оставался мужчиной или женщиной.

Видимо, Геран, едва оказавшись в палатах “Запретного города”, отведенных для корпуса стражей, привела в порядок свою внешность. Румяна, легкий блеск на губах, тушь на ресницах, какая-то мазь для волос и новые просторные одежды.

В большинстве случаев женщина всегда женщина. А мужчина всегда мужчина. И об этом не стоило забывать.

– Ты стал сильнее, Хаджар, намного сильнее. Клянусь богами и демонами, я не понимаю – ни насколько ты теперь сильнее, ни как смог этого достичь за такой короткий срок. Но не путай себя со своим учителем, да примут его праотцы. Даже великий мечник Орун лишь с небывалым трудом мог пробить “Шагом белой молнии” защитный купол “Запретного города”.

Рекка, пренебрежительно фыркнув, отвернулась, а Хаджар посмотрел на кружащий над “Запретным городом” волшебный иероглиф. В отличие от остальных подобных магических символов, он состоял вовсе не из плотной энергии, а из самого настоящего камня.

Теперь, став Повелителем, Хаджар не просто лучше ощущал окружающий мир, а в прямом смысле иначе. Он изменился куда больше, чем могла предположить Рекка.

И этих изменений было достаточно, чтобы он понимал, что при желании и десятке секунд времени его “Шаг белой молнии”, в подметки не годящийся тому, которым обладал Орун, все же смог бы пробить брешь, через которую просочился бы Хаджар.

Но даже до сорока лет, проведенных на Горе стихий, Хаджар бы не стал кичиться своей силой или пытаться что-то кому-то доказать. Сейчас тем более.

– Тебе не кажется, варвар, – на очередном диалекте островов прошептал Эйнен, – что ты задолжал мне историю? И к тому же я хочу знать, какой эффект оказала Пилюля Ста Голосов.

Хаджар недоуменно изогнул бровь.

– Я не собираюсь ее воссоздавать, варвар, – островитянин, как и всегда, выразался в своей привычной манере.

Так что понять, какую эмоцию он испытывает на самом деле, можно было, лишь очень хорошо его зная. Хаджар знал своего названного брата просто отлично.

– Не хотел тебя оскорбить, лысый, – тут же ответил он. А затем, набрав в грудь побольше воздуха, разразился тирадой: – Началось все в тот момент, когда я слился со второй половиной своей души, и мы, ну... то есть... я в последний момент разбил печать духа меча.

* * *

Знание того, как исполнить последний удар техники “Меча четырех ударов” пришло к Хаджару само. Без диалога или обучения у Черного Генерала.

Оно просто возникло в его сознании, наполнило руки, вновь изменило энергетические каналы, сделав их даже крепче того, чем они уже являлись.

Сначала Хаджар полагал, что именно первый удар – “Летящий клинок” – высвобождал убийственную массу энергии и мистерий, чтобы попасть по максимальному количеству врагов, но уже вскоре осознал, что применял его неправильно.

“Летящий клинок” должен был действительно нанести максимально возможный урон, но только по одной цели. Закончить поединок монструозным, в прямом смысле варварским ударом, уничтожающим броню, тело и, если противник будет слаб, еще и душу.

А вот последний удар с простым, но таким всеобъемлющим названием “Меч” как раз и был создан для того, чтобы уничтожить все, до чего только сможет дотянуться атакующий мечник.

И когда Хаджар высвободил эту мощь, нанес удар по сияющей над осколком тьмы печати духа меча, то поразил одновременно не одну, не две метки нейросети, а все оставшиеся. Всего одним чудовищным по своей сложности и мощи ударом он уничтожил метку духа меча.

И при падении на равнину мира собственной души последнее, о чем подумал Хаджар, было то, стало ли это прощальным подарком Врага или чем-то иным.

Затем последовал удар.

Но не тот, который человек получает, плашмя падая на твердую и холодную землю, а скорее тот, который получает нерадивый ребенок от строгого отца.

Подзатыльник, который заставил Хаджара согнуться в три погибели и едва не выронить меч.

– Что за...

Он выпрямился и пригляделся. Очертания реальности проступали сквозь сумрак круговерти скачущих в сознании мыслей. И очертания эти принадлежали высокому, полураздетому мужчине, чей торс был покрыт шрамами и именной татуировкой. На шее висело ожерелье из клыков.

– Учитель Орун? – неверяще прошептал Хаджар. – Но вы не мой родственник... вас не должно быть в доме моих праотцев.

– Если ты будешь настолько глуп, ученик, то скоро действительно туда отправишься, – засмеялся своим звериным смехом великий мечник. – А пока лучше скажи, где мы?

Хаджар огляделся.

И то, что увидел, поразило его даже больше, чем облик стоящего рядом Оруна.

Они находились на широком горном плато, вниз уходила каменная тропа, выложенная явно не руками природы. Джунгли простирались у подножия, а сверху висела шапка морозного снега.

Хаджар же с Оруном находились посередине.

Не там и не тут, если так можно выразиться.

– Гора Стихий... но как это возможно?

– Значит, гора... – протянул Орун. – Ладно, сойдет. Сам я вижу тренировочный плац, на котором занимался в детстве. Но, думаю, это не так уж важно.

Хаджар попытался осознать сказанное ему учителем, но единственным, к чему привели попытки, была головная боль.

– Сойдет для чего, учитель?

– Разумеется, для нашей последней тренировки, ученик. И не будем медлить, у нас не так много времени – всего сорок лет.

Сорок лет?!

Глава 940

Первые пять лет были самыми тяжелыми. И нет, Орун не бил его палками, не заставлял сражаться с монстрами, не морил голодом, не показывал никаких приемов или финтов, он просто заставлял Хаджара чувствовать самого себя.

Они сидели спиной к спине в позе лотоса и, погрузившись в поверхностную медитацию, проводили так час за часом, день за днем, год за годом. Без всякого перерыва.

– Чувство единства придет само, ученик, – говорил Орун. Их разум, пребывавший, видимо, на грани миров и свободный от оков телесной оболочки, был достаточно гибок, чтобы одновременно медитировать и вести диалог.

– Единства с чем?

– С тем, что у тебя отобрали, щенок.

Хаджар встретил оскорбление с легкой полуулыбкой. Если что-то и не менялось в Оруне даже после его смерти, так это манера общаться и то, с какой скоростью великий мечник выходил из состояния покоя.

– Со второй половиной твоей души.

Хаджар вздрогнул.

Вернее, ему показалось, что он вздрогнул, или, может, то была фантазия. Ведь на самом деле он не сидел в медитации на Горе Стихий. И Оруна на самом деле не было рядом.

Это лишь мистическая иллюзия.

Великий мечник был прахом развеян над родными просторами, а Хаджар в данный момент находился в подвальной лаборатории наставника Макина.

И если не в подобной ситуации, если не с верным учителем, отдавшим за тебя жизнь, то когда еще исповедаться воину?

– Я сам ее у себя отнял, учитель... по собственной глупости и трусости я отнял у себя половину души и...

Хаджара перебил громогласный смех Оруна. Запрокинув голову, но не нарушая медитации, тот смеялся от души и во всю полноту легких.

Гоготал так, что, находишься они в реальности на Горе Ненастий, та бы треснула по швам.

– Твои самонадеянность и самоуверенность, щенок, превосходят даже мои! – Отсмеявшись, Орун добавил: – Жаль, что это пока единственное, в чем ты меня превзошел.

– Что вы хотите этим сказать, учитель?

– Как ты себе представляешь, чтобы смертный младенец, которым ты был рожден, разорвал свою душу? Да ты даже не мог ощутить энергии в этом мире, увидеть Реку Мира, осознать хоть какие-то мистерии. И не духа, а таинства жизни и смерти. При этом я не уверен, что даже тот, кто осознал “Истинное королевство жизни или смерти”, смог бы разорвать свою душу на две части и при этом выжить.

Сказать, что Хаджар находился в шоке, – не сказать ничего.

– “Королевства жизни и смерти”? Такие бывают?

Орун выругался. Как всегда, грязно, дерзко и так, что Хаджар мгновенно записал выражение в соответствующую библиотеку базы данных нейросети.

– Ты ведь не потратил ни единого очка славы школы Святого Неба на то, чтобы посетить лекции, беседы и учения наставников и мастеров, верно?

– Верно. – Хаджар действительно ни разу не ходил ни в один класс. – Находились дела поважнее, учитель. К примеру, выжить и...

– И закупить себе техник, чтобы посильнее мечом кого-нибудь долбануть, – перебил Орун. – Рвение похвальное и достойное для деревенщины, щенок, но тот, кто намерен взобраться на вершину пути развития, должен понимать, куда он вообще идет. А для этого нужны

знания. Знания не только о том, как правильно меч в руках держать, но еще хорошо бы и о том, для чего его держать. И чтобы узнать это, надо понимать немногое, но обо всем.

Уж от кого, но от великого мечника Оруна, ведущего почти животный образ жизни, Хаджар не ожидал подобных слов. Вот только стоило вспомнить, что он, будучи “лишь” Повелителем, вселял истинный ужас в сердца безымянных адептов, и все становилось на свои места.

– Прошу, научите меня.

– Разумеется, я тебя научу, щенок, – засмеялся Орун. – Но слушай внимательно. Я не силен в объяснениях и потому скажу лишь раз. Что поймешь, то поймешь.

И Хаджар обратился в слух.

– Оглянись, щенок, тебя в этом мире окружает зримое и незримое. Меч, который ты держишь в руках: смертный видит лишь полоску стали, практикующий – сталь и вспышки энергии, адепт – сталь и текущий сквозь нее поток энергии и мистерий. Он видит тайну и секрет, которые стремится разгадать. Он видит зримое и ощущает незримое, и благодаря этому, через незримое продвигается по пути владения зримым.

Несмотря на то что Орун сказал, будто не силен в объяснениях, Хаджар прекрасно понял, о чем тот говорит. Если дать меч в руки двух физически идентичных людей, обладающих нужной подготовкой тела, но у одного будет опыт в обращении с оружием, а у другого нет... Даже гадать не надо, кто сможет им одолеть врага, а кто разве что порезать самого себя.

– Зримое и незримое, Хаджар, оно всегда вокруг нас. Оно пронзает нас. Окутывает нас. Делает нас теми, кто мы есть. Это наше прошлое, настоящее и будущее. Это Река Мира и все таинства в ней. Это наши души, наши чувства, наши мечты, страхи. Это жар от огня. Холод ветра. Ласка морского прибоя.

Хаджар погружался в слова Оруна и вместе с этим погружался внутрь самого себя. Его дыхание выравнивалось. Медитация становилась глубже, а мир вокруг – тоньше, но в то же время ярче.

– Ты можешь познать зримое лишь через незримое. Можешь быть величайшим кузнецом мечей, но не знать, как ими сражаться. Но даже чтобы стать кузнецом, тебе нужно чувствовать пламя горна, молот в твоих руках, видеть кипящую сталь и не бояться ее гнева. Незримое, щенок, вот что делает нас мастерами, что дает возможность владеющему мечом взмахом ладони возрождать в реальности удар меча на расстоянии – то, о чем смертные лишь слагают легенды, для нас реальность, ибо мы познали незримое.

Видения кружили перед внутренним взором Хаджара.

– Но незримое простирается куда дальше, щенок, чем то, что мы можем потрогать. Ты можешь положить себе в постель тысячи женщин. И все они будут разные. Их груди, кожа, волосы, глаза, даже то, что у них между ног. Узкая, широкая, глубокая, маленькая, мягкая, чуть тверже. Но только когда ты найдешь ту, что подарит тебе часть незримого, которая ответит на твое тело своей душой, лишь тогда ты поймешь, что все, что были прежде, одинаковые. Плоть – всегда лишь плоть.

Хаджар почему-то почувствовал запах цветов и земли. Черные волосы проскользили у него перед лицом. Но чьи это были локоны?

Кто его звал?

– Можем ли мы на самом деле увидеть огонь, щенок? А ветер? А гром или молнию? Можем ли мы увидеть момент, когда приходит время листу сорваться с ветки и улететь в долгожданное путешествие: Можем ли мы запечатлеть мгновение, когда пылкий юноша влюбляется в девушку? Или рассмотреть секунду, когда родитель проникается величайшим и крепчайшим чувством – любовью к своему ребенку?

Хаджар слышал голос. Он что-то говорил ему.

– То, что зримо, Хаджар, не имеет никакого значения. Оно скоротечно и непостоянно. Лишь незримое истинно и вечно. Лишь оно дает нам подлинную силу. Нашу силу. Ты был

хорош для своих лет и своего уровня развития, щенок. Нет нужды это отрицать. Но сколько раз сущности выше тебя отбирали твою силу?

Хаджар вспомнил все те испытания, в которых он был лишен не только энергии, но и мистерий. Сосчитать их было можно, но не нужно. Слишком много, чересчур часто.

– Но каждый раз, когда тебя лишали заемной, чужой силы, ты оставался со своей собственной.

Хаджар вспомнил шепот ветра и то, что он всегда знал, как именно держать меч, как им ударить, как увернуться, как атаковать. Это было то, что он получил собственными потом и кровью. Его опытом. Тем, что у него было не отнять.

– Постигая мистерии, постигая то, что мы называем “Королевствами”, мы лишь сбиваемся с нашего пути, щенок. Мы ныряем в Реку Мира и находим то, что уже было создано до нас. Находим духов, что создали те, кто пошел путем развития раньше нас. Мы берем их силу и пытаемся сделать ее нашей. Но, сколько бы ты ни шел по этому пути, никогда не догонишь того, кто был первым.

Хаджар вспомнил бесчисленное множество звезд-духов, покоящихся в Реке Мира.

– Но там, среди ложной силы, среди искусственного могущества, есть истинные знания.

– И что это за знание? – спросил Хаджар.

Глава 941

Орун лишь слегка печально хмыкнул.

– Я так и не нашел свое, щенок. Почти за тридцать веков я так и не нашел свое собственное знание. Постиг “Истинное королевство парного клинка”, “Истинное королевство падающего листа”, “Истинное королевство ветра”, “Истинное королевство клыка горного медведя”, “Истинное королевство сабли”, “Истинное королевство молнии”, а затем смог объединить некоторые из них воедино. Я постиг “Истинное королевство клинка парной молнии” и “Истинное королевства меча падающего листа” и был близок к созданию “Истинного королевства меча листа на ветру”, но...

Хаджар, слушая слова Оруна, не мог поверить своим ушам. Орун постиг шесть “Истинных королевств”! Шесть! И затем создал два объединенных “Королевства” и даже начал постигать третье.

Его уровень невозможно было измерить простой энергией и разделить на ступени Повелителя или Безымянного. Может, его ядро не было так же велико и крепко, как у Безымянных, но мистерии, которыми он владел...

Проклятье.

Проклятье!

И еще тысячу раз проклятье!

Да ни один из воинов семи империй не смог бы с ним сравниться. Ни Морган, ни Алый Мечник из Ласкана, никто из них ему и в подметки не годился.

Да что там, Хаджар не сомневался, что пожелай Орун – и на равных сразился бы с Чин’Аме – мастером-драконом.

– ...но все это было лишь ширмой, щенок, – продолжил Орун, – очень тяжелой и плотной ширмой, которая не давала мне осознать истину. Истину, которую ищет каждый. Смертные называют это смыслом жизни, адепты – тем, что заполнит в них пустоту.

Хаджар понял, что в очередной раз коснулся чего-то невероятно таинственного и мистического. Но если прежде эти касания были бесформенные и далекие, то сейчас он чувствовал, что стоит практически вплотную.

– Но какое отношение это имеет к моей душе и ко мне?

– Прямое, Хаджар. Когда я впервые увидел тебя сражающимся на арене против Тома Диноса, почувствовал, что под меткой духа меча скрыто нечто иное. Скрыто истинное. Я увидел ветер в твоих движениях, почувствовал, как твой меч им пропитан, как рвется к нему. Этого я не смог достичь, даже когда сражался мечом при помощи “Истинного королевства ветра”. А потом я увидел шрам на твоей душе. Возможно, во всем Дарнасе, кроме меня и старика Хашима, главы секты Лунного Света, никто больше этого и не смог бы.

Хаджар вспомнил совет, собранный императором Морганом. Созвав туда всех, кто владел “Королевством”, он пригласил и лидера секты Лунного Света.

Тот не показался Хаджару настолько сильным, впрочем, и сам Орун, пусть и демонстрировал могущество, но не показывал и десятой части того, чем владел на самом деле.

– Я хочу сказать, Хаджар, что знания, которые я получил о незримом и “Королевствах” за тридцать веков, постараюсь передать тебе за сорок лет, но... Твою душу, щенок, разорвал не ты сам. “Истинным королевством жизни” не обладает даже сестра короля эльфов. Истинное “Королевство смерти” забыто с тех пор, как запрещена некромантия. Так что...

– Так что кто-то достаточно могущественный, чтобы разорвать мне душу, это и сделал, – прошептал Хаджар.

– И не просто могущественный, щенок. А невероятно, невообразимо могущественный. Разбирающийся в столь тонких и глубоких мистериях, что никому из ныне живущих в семи империях не понять и их мелкой крупы. Но меня напрягает нечто совсем иное.

– Что же?

– То, что кто бы это ни сотворил, он хотел сделать тебя сильнее, Хаджар. Выжив с половиной души, ты был лишен видения внешней энергии, практически полностью отрезан от незримого. Но даже так, пусть и на костылях метки духа меча, ты постиг “Королевство меча”. И пока ты сражался здесь, твоя вторая половина впитывала незримое как губка. И теперь, когда вы соединены, я предчувствую, что ты сможешь слить в себе зримое и незримое. То, что мы называем внутренней или внешней энергиями. Я верю, Хаджар, что ты сможешь лишь благодаря этому слиянию стать Повелителем, что и означает слияние двух энергий. А затем постичь и истинное знание. То, что сделает тебя тобой. И все то, что у простого адепта, как я, заняло бы даже больше тридцати веков, у тебя отнимет меньше одного столетия. И это благодаря тому, кто разорвал твою душу. Чего бы он ни желал, одно ясно точно – он хочет, чтобы ты стал сильнее. И как можно быстрее.

Хаджара прошибло холодным потом. Он сидел в глубокой медитации и видел, как жизнь в мире Земли проносится перед его внутренним взором.

Но, если верить словам всех, кто рассказывал ему о душе, получалось, что с возвращением второй половины он должен был вернуть и полные воспоминания о жизни на Земле.

Но этого так и не произошло. Он все так же помнил все, что с ним произошло. Со всеми теми же эмоциями. Теми же впечатлениями. Лишь четче стала ненависть, которую он питал ко всем людям; одиночество, к которому он привык и даже полюбил; ярость от того, что кто-то пытался посягнуть на его право на жизнь.

Четче, но ничего более существенного.

И тут он вспомнил скрип колес машины, в последний момент отвернувшей от его кресла-каталки. Вспомнил, как на него падала стойка в больнице, но, будто на что-то натолкнувшись, отлетела в сторону. Вспомнил, как прогнившая проводка в детском доме заискрилась в его камерке, а затем резко погасла.

И еще десятки таких случаев.

Именно это и породило его ярость.

Ему казалось, что сам мир неустанно пытается стереть его из реальности, а он ему противостоит. Но сейчас Хаджар внезапно понял, что это не он противостоял миру.

Все те годы, что он провел на Земле, кто-то стоял за его плечом. Кто-то его оберегал. Вел по пути, который закончился на столе нейрохирургов.

Елена...

Она была пешкой? Случайностью? Или тем, что должно было толкнуть Хаджара-Борея под нож врачей?

– Учитель.

– Да, щенок?

– Я должен стать сильнее. – Хаджар сжал кулаки. – Должен стать намного сильнее.

Орун какое-то время молчал.

– Тогда я к твоим услугам, ученик.

* * *

Спустя десять лет тренировок и медитаций Хаджар наконец смог соединить в себе внутреннюю энергию, с которой он прожил все эти годы, с энергией внешней, которой была пропитана вторая половина его души.

Так он переродился в Повелителя. Его физическое и энергетические тела стали крепче и мощнее, а разум – острее и быстрее. Он смог увидеть то, чего раньше не видел. Взор – прием Оруна – открыл ему потоки энергии в реальном мире. Настолько тонкие, что раньше он никак не мог их увидеть.

Теперь Хаджар знал, что мог при достаточном умении отсечь высвобожденную технику от адепта, ее использовавшего, ибо между ними была связь.

Этому приему Орун обучал его еще в течение года. Не потому, что он был невероятно полезным, хоть и применимым в реальном бою, просто он позволил Хаджару лучше понять нового себя.

* * *

Следующие двадцать лет очередных медитаций и тренировок привели Хаджара к тому, что он осознал то, что являлось его истинным “я”.

Это было сложно и нелегко. При погружении в глубочайшие медитации Хаджару приходилось по одному за раз преодолевать своих внутренних демонов и ложные иллюзии.

Он буквально вычищал свою душу от всего, что шелухойросло на ней за эти годы. И последний мираж, который ему пришлось победить, дался сложнее всего.

Он увидел перед собой ронг’жа и старый ноутбук.

Музыка...

Хаджар ее любил. Больше, чем многое в этом и любом другом мире.

Но не больше всего.

И он разбил этот мираж. Разбил, чтобы увидеть, что музыка была лишь его способом выжить. Его способом сразиться с миром, чтобы выйти победителем.

И тогда Хаджару открылся путь. Его собственный. Уникальный. Такой, который подходил лишь ему и никому иному.

Было ли это благодаря его собственным усилиям, или таков эффект от пилули Ста Голо-сов – вряд ли даже Макин смог бы на это ответить. Впрочем, учитывая скорость, с которой справлялся Хаджар, которая пугала даже Оруна, наверное, и то и другое.

За последним миражем Хаджар увидел... нет, не весь путь целиком. А лишь его начало.

И начинался он со старца, держащего в руках не лютню, а меч. Он чем-то был похож на Черный Клинок, только другого цвета. Черная рукоять и острие, но синий клинок, на котором черным узором птица Кецаль летела к облакам.

Старик указывал ему путь.

Путь к горизонту.

Когда Хаджар открыл глаза, в руках он держал уже не Черный Клинок, а тот, что сжимал старец. На его плечах вместо доспехов Зова лежала одежда, сшитая ему королевой Мэб, правительницей Зимнего дворца фейри.

И Хаджар знал, что до скончания веков его Зов будет выглядеть именно так. Это был ее подарок и ее проклятье. Ибо этот Зов мог выдержать могущественную атаку, но даже перед укусом самого слабого из зимних фейри превратился бы в бесполезные тряпки.

А оружие, которое он держал... это был уже не Черный Клинок, а Меч Ветра. Его собственный. Выкованный из его воли, из его стремления и его души.

– Легенды гласят, ученик, – рассказывал Орун, – что ни одному бессмертному не нужно оружие, потому что их собственная душа – оружие.

* * *

Врата Ярости выглядели точно так же, как их запомнил Хаджар.

– Эта история сама по себе похожа на легенду, варвар, – заключил Эйнен. – И это название – “Королевство меча синего ветра”. Звучит чересчур пафосно.

– Мне ничего другого в голову не пришло.

– А что насчет “Шага белой молнии”? Ты ведь выучил ее первую ступень.

Первая ступень “Шага белой молнии” позволяла адепту практически мгновенно переместиться в любую точку на расстоянии в один километр.

Орун, который обладал третьей ступенью, мог переместиться на расстояние почти в сто километров. А когда забрал Хаджара из пустошей, он, благодаря мистериям, которые постиг, увеличил это расстояние до невообразимого. Пересечь за несколько мгновений половину Дарнаса для Оруна оказалось не сложнее, чем сделать шаг.

Чудовищно, невероятно, сродни байке, но такова была истинная сила великого мечника.

– Ингредиенты, которые нужны для первой ступени, Орун вложил в тот же свиток, где запечатал часть своего сознания, – объяснил Хаджар. – Волшебная печать должна была разрушиться одновременно с меткой духа меча. Орун верил, что я справляюсь...

– А я вот до сих пор не верю, что он был настолько могущественным... Он мог бы захватить все семь империй, будь у него на то желание.

– Пожалуй, – не стал отрицать Хаджар.

Они спешили и подошли к завесе, в которой уже исчезла Рекка.

– Ты так и не рассказал, варвар, что произошло в последние пять лет.

Хаджар посмотрел на друга, названного брата. Тот спустя пару секунд кивнул и вошел следом за Реккой.

Хаджар, остановившись, глянул на звездное небо. Он надеялся, что где-то там, в доме праотцев, Орун нашел то, что так долго искал, – покой.

Завеса сомкнулась за спиной Хаджара.

* * *

Это был последний их день на Горе Стихий.

Они сидели на обрыве и смотрели на джунгли.

Вернее, так видел этот мир Хаджар, а что видел сам Орун – тот не говорил.

– Я научил тебя всему, чему мог, ученик. Пройдет время, и ты станешь намного сильнее, чем я.

Хаджар промолчал.

– Ты познал “Графство меча синего ветра”... Дерьмо демона, другое название придумать не мог?!

Они засмеялись.

Орун продолжил:

– И постиг первую ступень “Шага белой молнии”. То, что даже у самых гениальных наследников аристократических родов заняло бы два века, ты сделал за сорок лет.

– Все благодаря вам, учитель.

Великий мечник промолчал, а затем тяжело вздохнул и произнес:

– Но туда, куда ты отправишься, Хаджар... там тебе не помогут ни техники, доставшиеся от кого-то другого, ни “Шаг белой молнии”... ни, возможно, даже “Истинное королевство меча синего ветра”.

– Не помогут?

Орун кивнул.

– Истинная сила, Хаджар, всегда исходит из тебя самого. Из того, как ты осознаешь зримое и незримое этого мира. Однажды тебе нужно будет создать свои техники. Техники, кото-

рые подходят идеально именно тебе. Ибо то, чем ты сейчас пользуешься, было создано другими для других.

Хаджар понимал это. Понимал уже давно.

Наверное, еще с тех пор, как многие десятилетия назад в подводной пещере запертый в цепях дракон Травес сказал, что техники и прочее – лишь незначимая шелуха, а не истинная сила. И что однажды Хаджару не понадобятся никакие техники.

И путь к этой высоте лежал, как бы парадоксально это ни звучало, через создание своей собственной техники.

– Но, чтобы создать технику меча, Хаджар, тебе нужно иметь фундамент, на котором ты ее возведешь. А этого у тебя нет. И поэтому я передам тебе последнее знание. Для кого-то оно было бы бесполезно, но не для тебя. Когда придет время, Хаджар, воспользуйся им. Выучи чужие стили, Хаджар. И на их почве создай свой собственный. Если успеешь – станешь сильнее. Нет – умрешь быстрой и спокойной смертью.

Перед тем как Хаджар остался на Горе Стихий один, он узнал секрет того, как адепт мог стать смертным. Ибо, когда придет время, Хаджару придется лишиться себя силы адепта, чтобы, заново став смертным, восполнить пробел в своем развитии и заложить фундамент – создать свой собственный стиль боя.

* * *

Хаджар вошел в “Запретный город”, еще не зная, что из тьмы за ним уже следят. Следят совсем не человеческие глаза.

Глава 942

– А быстро здесь все восстановили, – удивленно протянул Хаджар.

Когда в прошлый раз он покидал сад “Запретного города”, тот выглядел ничуть ни лучше, чем то, что оставили после себя Дерек с Хаджаром.

Но сейчас, спустя не больше чем полгода, знаменитый сад “Запретного города”, одна из главных достопримечательностей, вновь поражал красотой и убранством.

Пройдя по мощеным камнем дорожкам, оказавшись около замка-дворца, Хаджар невольно отметил, насколько выросло количество охраны у главных ворот, да и патрулей стало намного больше.

И каждый носящий эмблему корпуса стражей считал своим святым долгом бросить в сторону Хаджара полный презрения и неприязни взгляд.

До чистой ненависти не доходило, но все же было несколько неприятно.

– Старший лейтенант Геран! – Шестеро стражей, охранявших массивные створки замковых ворот, вытянулись по струнке и отсалютовали.

– Повысили, значит, – в своей привычной философской манере отметил Эйнен.

Хаджар же не переставлял удивляться тому факту, что представительница главной семьи аристократического рода Геран, славящегося строительством фортов и замков, служит в довольно непримечательном корпусе стражей.

Нет, элитное подразделение легионов, охраняющих “Запретный город” и императорский род, – это, безусловно, почетно. Но...

Хаджар скосил взгляд в сторону двух Божественных клинков в руках Рекки, из-за которых та постепенно увядала как адепт. Эти жуткие паразиты высасывали из нее силы и...

Хаджар едва не споткнулся. Еще недавно Геран выглядела так, что не позавидовали бы и некоторые Небесные солдаты, но сейчас ее энергетическая структура оказалась как у вполне способного и сильного Рыцаря духа развитой стадии.

Высокое Небо! Что-то здесь было не так.

– Лорд Балигор отметил наши успехи, – пожала плечами Рекка.

– Успехи? – переспросил Хаджар. Проходя мимо шестерки гвардейцев, он легонько кивнул им и с некоторым удовольствием, которое раньше ему было не присуще, отметил гнев в их взглядах. – Я не уверен, что наше путешествие в джунгли Карнака можно назвать успешным и...

И Хаджар осекся. Он вспомнил, как принцесса Акена показывала ему пергаментный листок, который она забрала из усыпальницы древнего императора драконов.

А потом он понял, что силами пятого легиона была сдержана вся мощь армии мертвецов. И это с учетом того, что девяносто процентов силы удара мертвых пришлось только на четверть пятого легиона. И тот устоял...

Что же до сражения Дерека с Хаджаром, то после удара Танигеда, который все еще отзывался эхом в физической и энергетической структуре Хаджара, становилось понятно – великий герой великому герою рознь.

Даже тот же Орун, всю жизнь скрывавший свою невероятную мощь. И на вершине айсберга силы, которую он демонстрировал окружающим, находились равные ему.

Что же до Дерека с его “Истинным королевством парного клинка” и техниками из “Свитка бога войны”, то с ними он бы не заставил Оруна даже напрячься. И это с учетом того, что последний использовал бы лишь вершину айсберга.

Что же до Рекки и Акены...

Хаджару все отчетливее становилось ясно, что Балигор предложил своего человека не просто так. И что император Морган в очередной раз просто использовал чужие руки, чтобы загрести максимальное количество жара.

Весь их поход в Карнак был организован вовсе не для того, чтобы предотвратить приход армии, которая уничтожила бы два залпа “Ярости смертного неба”, а ради клочка пергамента, который принесла Акена.

Акена, которую с момента возвращения в Дарнас Хаджар больше не видел.

Эти мысли Хаджар изложил и Эйнену.

– Я тоже об этом думал, – нахмурился островитянин. – Его императорское величество явно что-то замышляет. И, видит великая черепаха, это напрямую будет связано с финальной битвой в этой войне.

– Скорее всего, – согласился Хаджар. – Вот только если с этими двумя все ясно, – Хаджар глазами указал на Рекку: на каком бы диалекте они ни говорили, произносить вслух имена никогда не рисковали, – то что в походе забыл Карейн Тарез? Его отец наверняка не одну ниточку дернул, чтобы он там оказался.

Эйнен ответил на риторический вопрос молчанием. Их всех, включая павшего Гэлхада, использовали в своих целях. И это чувство, видят Вечерние Звезды, было не просто неприятным, а унижающим.

– Постарайся проявить уважение, варвар, – процедила Рекка, когда они остановились около простенькой (по меркам “Запретного города”) двери. – А ты, Эйнен, подождешь со мной. На аудиенцию приглашен лишь Хаджар Дархан.

Ничего не говоря, островитянин прислонился спиной к гобелену и слегка приоткрыл свои нечеловеческие фиолетовые глаза. А потом демонстративно глянул в сторону двери.

Хаджар до сих пор не знал, что именно делали его глаза, но подозревал, что закрытая дверь и местные чары не помеха для Эйнена, чтобы услышать и увидеть происходящее за ними.

– Ты ведь понимаешь, что ходишь по чрезвычайно тонкой грани, Эйнен. – Рекка, приобнажив свои парные клинки, вплотную подошла к островитянину.

Как всегда, в своей раздражающей философской манере островитянин ответил:

– Все мы по ней идем до тех пор, пока не упадем.

Не найдя что ответить, беззвучно открывая и закрывая рот, Рекка наконец выругалась и, подойдя к двери, отворила ее для Хаджара.

– По приглашению его императорского величества, – проговорила она полным уважения и трепета голосом, а затем закончила диаметрально противоположным тоном: – Хаджар Дархан, ученик школы Святого Неба, прибыл.

Хаджар, услышав свой титул, не сразу понял, о ком идет речь. Лишь чуть позже он осознал, что со всеми перипетиями забыл, что все еще находится под юрисдикцией школы Святого Неба и является ее учеником.

Заходя внутрь довольно просторного, но просто украшенного помещения, он подумал о списке Нефритового Облака, табеле, где ранжировались силы учеников внутреннего круга и личных.

На первом месте там всегда находился Пьяный Лист. Адепт, с которым Хаджар так до сих пор и не скрестил клинков.

Но когда за ним закрылась дверь, а тени, окружавшие невыразительный золотой трон, рассеялись, мысли Хаджара перешли в совсем иное русло.

Если бы не внешнее сходство женщины, сидевшей на троне, с Акеной, Хаджар бы подумал, что это какой-то розыгрыш. Ну или весьма умелая западня.

На троне, внешне похожем на выставленный в профиль дворец, сидела женщина одновременно неземной красоты и такой же властности и стати. Даже в ее неподвижности чувство-

валась непогрешимая уверенность в себе, своем уме и красоте. Цепкий взгляд нефритовых глаз, черные локоны, свисавшие через плечо.

Алое платье совершенно необычного покроя. Вырез, открывавший вид на пышные, крепкие, высокие груди, спускался аж до нижней части живота и терялся под золотым пояском.

Ключицы были открыты вплоть до плеч, а подол разрезан так, что Хаджар беспрепятственно мог увидеть зону, где заканчивались чулки леди и бедра переходили в нечто иное.

Женщина была красива, сексуальна настолько, насколько возможно, но, несмотря на свой откровенный и манящий наряд, она выглядела не вульгарно, а властно.

– Моя императрица, – склонился в поклоне Хаджар. За годы, проведенные вдали от дворца, он растерял всю свою галантность, так что то, что некогда было изящным маневром, теперь выглядело неловким дерганьем.

– Хаджар Дархан, – произнесла жена императора. Даже ее голос был пропитан уверенностью. – Ученик великого мечника... ты готов?

– Готов? – переспросил не ожидавший такого поворота Хаджар. – Готов к чему?

– Значит – приступим.

Королева коснулась пояса и вытащила из него небольшую каменную плашку с высеченным на ней иероглифом. Что-то над ней прошептав, выставила артефакт перед собой.

В ту же секунду на Хаджара навалилась такая невероятная мощь, что, не устояв на ногах, он распластался по ворсистому ковру. Давление полностью его обездвижило. И не только конечности, но и движение энергии внутри. И если бы не мистерии Синего Ветра, скрывшие его под призрачным голубоватым пологом, он бы мгновенно отправился к праотцам.

– Этого достаточно, дорогая, – прозвучал знакомый голос, и обливающийся потом Хаджар увидел, как из потайной двери, скрытой за картиной, выходит сам император Морган. – Юный Хаджар еще не готов принять медальон великого героя.

Глава 943

– Я хотела убедиться в этом лично, любовь моя. – Императрица поднялась с места и, буквально проплыв над ковром, на мгновение коснулась руки императора, а затем исчезла в том же проходе, из которого вышел ее муж. Перед тем как покинуть помещение, она обронила: – От ученика Тирисфаля я ожидала большего.

Как только императрица скрылась с глаз, исчезло и давление. Хаджар, тяжело дыша, поднялся на ноги. Он не успел даже Зов использовать, а затем и Зов, и Синий Клинок (так называть его было несколько быстрее, чем полным именем) оказались полностью заблокированы странной силой.

– Присаживайся, юный Хаджар. – Император Морган, одетый в неброские одежды, опустился на тот же трон, где только что восседала его жена. – Приношу свои извинения за резкость моей супруги. Как и все из клана Вечной Горы, она может быть жесткой.

Хаджар, сев в кресло, молча взял заранее поставленный на столик стакан воды. Граненый, из какого-то, без сомнения, чрезвычайно редкого и качественного материала. Однако в данный момент единственная ценность, которую он представлял для Хаджара, – призывно манящая холодная вода.

– Что это было? – спросил он, после того как утолил болезненную жажду. – Мне казалось, что меня пригласили на аудиенцию, а не на пытку.

– Пытки... – Император поставил ладони домиком и положил на них подбородок. Он выглядел мужественно и хищно, но почему-то у Хаджара возникало ощущение, что он сидит не перед львом или тигром, а перед хитрейшим лисом. – Я могу позвать генерала Декоя Шувера, чтобы ты убедился в том, что тебя еще никто не пытал.

Одно простое слово “еще”, а сразу столько намеков и обещаний. Угроза столь явная, но столь тонкая, что ее нельзя было не заметить, но и воспринять всерьез тоже не получалось.

– Сканирование площади, – отдал мысленный приказ Хаджар. – Выявление любой опасности.

Обрабатываю запрос... Запрос обработан. Периметр взят под контроль, о любой угрозе носитель будет предупрежден с задержкой в 0,000001 сек.

– Это простые формальности, юный Хаджар, – развел руками Морган. Откинувшись на спинку трона, он протянул ладонь и взял несколько виноградин из вазы с фруктами. – Императрица-регент назначила Дерека Степного великим героем своей страны. Ты его победил. Этим самым заслужил право пройти проверку на соответствие подобному званию в Дарнасе.

Хаджар в большинстве случаев думал, перед тем как говорить. Но когда ведешь диалог с императором Морганом, человеком, для которого плести сложнейшие паутины интриг и заговоров проще, чем младенцу дышать, думать надо было даже перед тем, как подумать.

Благо разум Повелителя, сопряженный с нейросетью, позволял обрабатывать информацию намного быстрее, чем раньше.

– Я полагаю, что в Ласкане существует схожая процедура принятия звания. – Хаджар старался сохранить тон максимально нейтральным.

– Не просто схожая, юный Хаджар, – утвердительно кивнул император, – во всех семи империях она абсолютно одинаковая. Отсюда возникает вопрос: ты уверен, что победил бы Дерека Степного, не будь тот тяжело ранен и измотан магией мертвых?

Хаджар мог бы ответить на этот вопрос не задумываясь, но следовал правилу ведения диалога с императором – перед тем как ответить, подумай, а перед тем как подумать, подумай о том, не хотят ли, чтобы ты подумал о том, о чем нужно императору.

Если бы не два эпизода, когда Хаджару приходилось беседовать с Древом Жизни, он бы явно повредился разумом.

– Регент Ласкана хотела, чтобы мы думали, что Дерек обладает большей силой, чем он имел на самом деле.

– Мне нравится оговорка “мы” в твоей речи, юный Хаджар. – Император Морган действительно выглядел менее напряженным. Но... не была ли это лишь хитрая игра и видимость? Проклятые интриги. – Да, ты прав. Дерек Степной, скорее всего, обладал минимальным порогом силы, который требуется, чтобы стать великим героем. Прошел ли он испытание или нет – мы этого уже никогда не узнаем. Но регент воспользовалась ситуацией, смертью твоего учителя, чтобы одним тонким уколом пробить оборону нашей границы.

Одним тонким уколом... Регент попросту швырнула жизнь Дерека, заблудившегося в лабиринте собственной души, в дуло пушки своей военной армады.

Хотя что для императора или регента жизнь всего одного, пусть и одаренного, адепта перед угрозой потерять всю империю?

И это не стоило забывать Хаджару, если он собирался не только выжить в этой войне, но и не стать куклой в руках Моргана Бесстрашного.

Историй, которые ему рассказывал Орун, было достаточно, чтобы понять, что из этого не выйдет ничего хорошего.

Во всяком случае, для Хаджара...

– Мы восстановили чашу равновесия, юный Хаджар, – продолжил Морган. Его воистину лисий взгляд пронизывал Хаджара насквозь. Складывалось впечатление, что все тайны и секреты лежат перед императором как на ладони. Стоило больших трудов убедить себя, что это иллюзия, и не поддаться нервному мандражу. – Битвы на границе и так не стихали на протяжении многих веков. У нас – “Ярость смертного неба”, у Ласкана – более способные великие герои. Если бы не смерть Оруна, война бы, скорее всего, так и не началась. Но увы, равновесие восстановилось только сейчас, когда перчатки уже брошены в лицо.

Хаджар прекрасно понимал, в какую степь клонит Морган, но решил использовать выжидательную тактику. И спустя десять секунд тишины император выложил на стол свой первый козырь.

– Твое триумфальное появление на поле битвы, разумеется, не останется без внимания, юный Хаджар. – Морган щелчком пальцев отправил в рот еще одну виноградину. Даже этот пижонский жест в его исполнении выглядел преисполненным стати и чести. – Внимания каждой из империй. И особо пристального со стороны Ласкана, разумеется. Именно поэтому я так рад, что ты использовал местоимение “мы”.

– Здесь моя родина, – ответил на скрытый намек Хаджар. – И я думаю, вы уже давно выяснили мое прошлое и мои взаимоотношения с империей Дарнас.

– Лидусу приходилось тяжело, – не стал отрицать своей осведомленности император. – Как и многим другим мелким государствам под нашим контролем.

– Возможно, но я был рожден именно в Лидусе.

– Наместник не лишил жизни ни единого гражданина Лидуса, – напомнил Морган.

Хаджар уже собирался ответить, но осекся. Он понял, что первый раунд проиграл вчистую. Император дернул его в ту сторону, в которую и требовалось.

– Я под присягой Дарнасу, ваше императорское величество. Я проливал кровь за Дарнас, частью которого теперь является и моя малая родина. Ваши подозрения в моей возможной измене оскорбительны.

Морган развел руками.

– Мои глубочайшие извинения, воин Хаджар Дархан, за мою подозрительность – положение обязывает.

Обменявшись светскими “пассажами”, двое вновь замолчали.

– Ты овладел техникой “Шага белой молнии” на императорском уровне, Хаджар. Подобным знанием не положено владеть без моего разрешения, – положил на стол уже второй козырь

император. – Мы можем это лишить двумя клятвами. Первая – ты клянешься никогда ее не использовать.

– Это маловероятно, – покачал головой Хаджар.

– Я это прекрасно понимаю, – улыбнулся император. Той улыбкой, после которой заяц редко когда видит что-то иное, кроме клыков лиса. – Поэтому есть и вторая – ты поклянешься не разглашать информации касательно “Шага белой молнии”.

“Разработать слова клятвы”, – отдал мысленный приказ Хаджар.

Будь у него время, он бы справился и сам, но в фехтовании на шпагах красноречия и полемики скорость была порой даже важнее, чем в том же самом состязании на настоящих шпагах.

– Я клянусь ни при каких обстоятельствах, – Хаджар читал зеленый текст, бегущей строкой скользкий перед его глазами, – никому живому, мертвому, этого мира или другого, одушевленному или неодушевленному, по своей воле, по чужому наставлению, обманом или правдой, секретом или намеком, способом, который существовал, существует или будет существовать, не разглашать тех событий, их хода и содержания, которые привели меня к владению техникой “Шага белой молнии”.

Закончив говорить, Хаджар выдохнул и отпил еще немного воды из стакана. Ее, как и сам воздух, нейросеть первым делом просканировала на предмет скрытой угрозы.

Теперь замолчал уже сам Морган.

– Я хотел узнать, каким образом ты, юный Хаджар, получил силу, которой теперь обладаешь. – Все наигранное спокойствие улетучилось из глаз Моргана. – Это могло бы помочь в этой войне и в грядущих.

– Я гость в вашем доме, – не вставая, поклонился Хаджар. – Прошу прощения, если чем-то оскорбил или обидел.

– Нет нужды прикрываться законами гостеприимства, юный Хаджар, – отмахнулся император. Он потянулся к шкатулке, стоявшей рядом с вазой с фруктами. Открыв резную крышку, он достал два предмета. Заколку для волос и платок.

Сердце Хаджара пропустило удар. Он почувствовал этот платок, который мгновенно ото-звался в его сознании знакомой вспышкой.

– Я вижу, ты знаешь, что это. – Усилием воли император переместил предметы на колени Хаджару. – Чин’Аме просил тебе передать, что ваш разговор стал для тебя жизненно важным. Заколка – его подарок для Анис Динос.

Хаджар сдержанно кивнул и убрал артефакты в пространственное кольцо.

– Можешь идти, юный Хаджар. Жди от меня послания.

– Мой император. – Хаджар встал, поклонился и, как того требовал этикет, сделал несколько шагов. И только после этого, развернувшись, вышел за дверь.

Глава 944

Император несколько минут просидел в тишине, а затем, вздохнув и помассировав виски, спросил в пустоту:

– Что думаешь?

С противоположной стороны, прямо напротив картины, прикрывавшей тайный проход, в котором исчезла императрица, отодвинулась часть стены. Из темной ниши вышел не кто иной, как Декой Шувер, глава Тайной канцелярии.

Он выглядел уставшим и немного раздраженным.

Усевшись на тот же стул, где сидел недавний визитер императора, он отпил воды из того же стакана.

– Он знает о том, что Чин'Аме – дракон.

Императору Моргану пришлось ввести Шувера в полный курс дела и картины региона белого дракона. И не сказать, что им обоим это понравилось.

Моргану было не по нраву, что еще один человек теперь знал, как дела обстоят на самом деле. А Шуверу... ему просто не нравилось ощущение, что он вовсе не грозная акула в местном пруду.

В лучшем случае щука.

Подобный щелчок по носу был одновременно и полезен, но и жутко болезнен.

– Следовательно, знает и о стране драконов, – задумчиво протянул Морган. – Но старательно делает вид, что не в курсе...

– Почему вы спросили с него клятву, мой император?

Морган, не отрываясь от созерцания картины, едва не шепча себе под нос, ответил:

– Это показало бы, что и я знаю о том, что он знает.

– Хаджар Дархан юн и самонадеян, но вряд ли он этого не понимает.

– Понимает и еще как, – согласился император, – но пока я не озвучил этого понимания, данный вопрос висит в воздухе. Как шарик – кто первый по нему ударит, лопнет его, тот и окажется в невыгодном положении.

Декой Шувер мысленно выругался. Он был неплох в интригах. Во всяком случае, умел играть в подобные игры на уровне, достаточном, чтобы возглавлять Тайную канцелярию. Но до уровня Моргана Бесстрашного ему, как и всем остальным, было еще очень далеко.

– Что мне не нравится, – продолжил Морган, раз за разом посылая в рот алые виноградины, – это понимает и сам Дархан. Одно дело, когда у нас под носом ходит ученик Оруна, которым интересуется глава павильона Волшебного Рассвета. Совсем другое, что этот ученик не связан клятвами и знает, как двигать фигуры в нашей игре.

Знает, как двигать фигуры... Из уст Моргана Бесстрашного это звучало не оскорблением, а довольно существенным комплиментом. Редко когда древний интриган так о ком-то отзывался.

– Впрочем, это пойдет нам на пользу. – Улыбка, расчертившая лицо Моргана, заставила бывалого генерала, шпиона и палача, вздрогнуть. Он был рад, что “на пользу” пойдет не он, а юный Хаджар Дархан. – Но перейдем к насущному... ты разработал детали нашей маленькой мести, Декой?

– Д-да, – слегка заикаясь, ответил очнувшийся Шувер, – мы нанесем удар прямо в самое сердце их мануфактуры...

* * *

“Значит, за нами следил глава Тайной канцелярии...” – отметил про себя Хаджар, когда нейросеть выставила ему полный отчет о произошедшем.

Причем, если бы не ее уникальные способности, заметить генерала Шувера не представлялось бы возможным.

Будь Хаджар более эгоцентричным, он бы подумал, что Шувер пришел туда по его душу, но вряд ли. У императора имелись и куда более важные и сложные дела, чем маленькая заноза в виде малопримечательного Хаджара Дархана.

– Что с тобой, лысый? – Выйдя в коридор, Хаджар обратил внимание на то, как Эйнен забинтовывает свои глаза, причем поверх белой ткани проступали алые пятна.

– Император очень силен, – только и ответил островитянин.

Рекка, стоявшая рядом, победно усмехалась. Весь ее вид так и кричал – “я же говорила”. Хаджар был поражен едва ли не до глубины души.

Впервые в жизни он видел, что нечеловеческие глаза Эйнена пострадали от того, что тот использовал их для наблюдения за кем-то.

Хаджар обернулся и посмотрел на дверь, за которой в данный момент находился Морган Бесстрашный.

Насколько же был могущественен правитель Дарнаса?

– Ты знаешь магию крови, мой друг? – Хаджар перешел на диалект островов и, взяв под локоть временно слабовидящего товарища, повел его сквозь хитросплетения коридоров.

– Как воспитанно и галантно! – в спину прокричала Рекка. – Сразу видно, что варвара можно вытащить с его севера, но не север из варвара! Выход найдете сами.

Хаджар никак не отреагировал на переименованную, старую как мир и, видимо, присущую всем странам, мирам и народам присказку.

– Знаю несколько заклинаний, – не спрашивая друга зачем и почему, ответил Эйнен. – Но позже. Мне нужно отдохнуть.

– Конечно.

Вместе они вышли из замка-дворца, где их тут же взял в коробочку десяток стражей. Не расщедрившись на слова объяснения, они, не размыкая рядов, проводили адептов до самых Врат Ярости.

Вдвоем миновав завесу, Хаджар с Эйненом едва не столкнулись с Дорой.

– Что с тобой?! – охнула эльфийка и, подхватив возлюбленного, провела ладонью над его глазами. – Тебе надо срочно к тете!

– И тебе привет, Дора, – кивнул Хаджар.

Эльфийка ответила резким, неприязненным жестом и потащила Эйнена вниз по проспекту.

– Отец хотел с тобой поговорить, Хаджар, – не оборачиваясь, обронила Дора. – Мы с Эйненом будем тебя ждать у нас дома.

У нас дома... После возвращения с Горы Ненастий у Хаджара не было возможности в нормальной обстановке обсудить с Эйненом какие-то личные моменты.

Вот так, буквально ни с чего он вдруг понял, что его друг не просто гостил в квартале эльфов, а жил там. Жил вместе с бывшей принцессой, ныне младшей наследницей клана эльфов. Подумал бы кто из них, покидая Море Песка, что все так повернется.

Да и это приглашение от короля эльфов.

– Неужели всем так нужно со мной пообщаться? – устало вздохнул Хаджар.

– Ты даже не представляешь насколько, Хаджи.

Высокое Небо!

Хаджар и сам не заметил, как оказался все в том же злополучном темном переулке. Из тени, как из двери, вышел уже хорошо знакомый Хаджару персонаж.

Эмиссар князя демонов, повелитель ночных кошмаров, демон Хельмер. Одетый в свой живой, хищный серый плащ, в прорезях которого виднелись клыкастые пасти и глаза, он ступал среди орды маленьких комочков страха – чьих-то кошмаров.

Его лицо скрывала широкополая серая шляпа, из-под которой виднелся всего один алый глаз. В руках он держал красную, истекающую кровью сферу.

– Сроки поджимают, Хаджи, – с порога, не размениваясь на дурашливость и игривость, вещал демон. – Пора выполнять твою часть сделки.

– Тарезы...

– Именно они. – Хельмер подошел ближе к Хаджару. Тот не чувствовал исходящей от демона угрозы, но все же было немного не по себе. – Мне нужны ответы, смертный. Что скрывают Тарезы и в чем их связь с нашим родом? Даю тебе срок до конца декады. Когда небо закроет красная луна, я вернусь либо за ответами, либо за твоей душой.

Хаджар выругался. Грязно выругался.

Хельмер же, демонически ухмыльнувшись, развернулся и направился обратно в тень.

– Хельмер.

Тот остановился и обернулся.

– Ты ничего не знаешь о том, как была разделена надвое моя душа?

– Тебя это не должно беспокоить, Хаджи. Ты сумел ее соединить, выжить и стать сильнее. Празднуй. И не забывай про Тарезов.

– И все же, – не сдавался Хаджар.

Какое-то время они играли с Хельмером в гляделки, пока тот, вздохнув, не посмотрел на затянутое серыми облаками небо. Кажется, собирался дождь.

– Знаешь, как я выжил, пройдя сквозь все эти эпохи, Хаджи? – Хельмер вошел в тень. Он постепенно исчезал в ней, и лишь его глаз и сфера продолжали сверкать алым. – Я никогда не лез в дела тех, кто может меня уничтожить одним своим желанием. Мой тебе совет – забудь о своем вопросе и живи так, будто ничего не произошло.

Хельмер исчез.

Хаджар, оставшись стоять один, внезапно осознал, что Хельмеру что-то известно. И это что-то его пугало.

Пугало эмиссара князя демонов...

– Этот день просто не может стать хуже, – протянул Хаджар и развернулся в сторону улицы, но, не сделав и двух шагов, едва не столкнулся с Анис.

– Что ты...

– Мне нужна голова. – Зеленые глаза девушки грозно сверкали.

– Чья... голова?

– Ты поклялся, Хаджар. Ты, Эйнен, Дора и Том. Вы принесли клятву, что поможете нам свергнуть моего дядю. Пришло время выполнить эту клятву.

А нет, все-таки может...

Глава 945

Квартал эльфов выглядел почти так же, как и в последний визит Хаджара. Но теперь на высокой живой стене, свитой из крон массивных волшебных деревьев, среди деревянных мостков и башен лучников виднелись шлемы в количестве, втрое превосходящем то, что было прежде.

Слова Рекки Геран о защите аристократами своих владений самостоятельно приобрели особый шарм. Вот только учитывая, что квартал Зеленого Молота находился в непосредственной (пусть и относительной) близости от “Запретного города”, да и сами эльфы после императорского рода являлись старейшим Домом Дарнаса, то...

От кого им, в принципе, требовалось защищаться?

Хаджар, задаваясь этими вполне тривиальными вопросами, пытался отвлечься от недавних диалогов с Анис Динос и Хельмером, повелителем ночных кошмаров.

И кто из них нес с собой больше проблем, еще стоило разоб...

Стрела со свистом вонзилась в дюйме от мыска сапога Хаджара. Он поднял голову и проследил взглядом траекторию до лучника на мостках.

– Еще один шаг, человек, – то, как было произнесено слово “человек”, не оставляло сомнений в расизме эльфийского лучника, кстати, без малого Рыцаря духа начальной стадии, – и следующая стрела попадет на метр, – эльф склонил голову набок и широко улыбнулся, – с небольшим выше.

Хаджар вздохнул. Может, ушастые и являлись представителями другой расы, но вот мужские насмешки что у них, что у людей, что у орков или драконов были одинаковые.

Что же до самого стража, то, учитывая его золотистый, а не серебристый, как у остальных, шлем, можно было сделать вывод о его офицерском звании.

– Меня пригласил на аудиенцию ваш король. – Хаджар слегка поклонился, а затем выдернул из земли стрелу и убрал ее в пространственный артефакт.

Если кто-то вел себя по-хамски, это не означало, что Хаджар должен был опускаться до их уровня.

Хаджар сделал еще один шаг, а затем, разворачиваясь на каблуках, отразил вспыхнувшим в руке Синим Клинком эльфийскую стрелу, которая летела ему прямо в пах. Две половины, древо и наконечник, вонзились в мостовую и погрузились в камень почти на целую ладонь.

И это с учетом того, что эльф не использовал ни капли энергии – лишь мистерии уровня владеющего луком.

Среди адептов, использующих оружие, на поле боя самыми опасными были именно лучники. Рыцарь духа такой силы, что стоял перед Хаджаром, мог поразить цель на расстоянии в десять, а то и в двенадцать километров. Куда дальше, чем дотянулся бы даже Орун при его полном могуществе.

– Кажется, я ясно выразился, человек, – уже серьезно, без всякой насмешки процедил Рыцарь. К нему со всех сторон сбегались и другие лучники. Небесные солдаты самых разных стадий, они натягивали луки до плеча и уже укладывали в ложе стрелы. – Стой, где стоишь.

Хаджар убрал Синий Клинок обратно в недра души. Он не испытывал никакого страха перед этими лучниками. Но для другого адепта это была бы смертельная угроза.

На весь Дарнас лучников-адептов высокого уровня не набралось бы столько, сколько имел в своем распоряжении клан Зеленого Молота. И это учитывая, что эльфы Даанатана специализировались вовсе не на стрельбе, а на молотах.

– Позовите кого-нибудь из старших, – предложил Хаджар, – у меня не так много времени, чтобы терять его около ваших ворот.

Он говорил спокойно, без раздражения или пренебрежения. Раньше, наверное, он бы вспылил и, возможно, натворил глупостей. Но теперь... теперь он чувствовал свою силу и видел мир несколько иначе.

Хаджар прекрасно понимал, что при желании ему понадобится не больше трех взмахов меча, чтобы отправить к праотцам те два десятка стрелков, что в данный момент держали его на прицеле. И еще примерно столько же, чтобы снести ворота в квартал эльфов.

– Отставить, Талис. – Огромные ветви, чьи листья выглядели далеко не мирно, ожили и начали расплетать свою непроницаемую стену. Ворота квартала Зеленого Молота – удивительное создание магии... – Не обижай нашего гостя... хотя бы сейчас.

– Да, старшая наследница Энора. – Рыцарь духа по имени Талис отсалютовал на имперский манер, а затем приказал лучникам снять стрелы с тетивы.

– Будь гостем в нашем доме, Хаджар Дархан, ученик Оруна. – Энора Марнил, старшая сестра Доры, развернулась вполоборота и протянула руку в сторону квартала.

Законы гостеприимства... Ими прикрывался не только Хаджар при разговоре с императором Морганом...

– Благодарю, – поклонился, как того требовал этикет, Хаджар.

Без заминки, страха или явных мер предосторожности он вошел под сени массивных крон, а затем и внутрь квартала. Ветви за его спиной вновь сплелись в единое целое, а затылок сверлили два десятка взглядов. Кроме корпуса стражей, которые не могли пережить урона их чести, в Даанатане был еще один целый народ, который не очень-то привечал Хаджара Дархана.

– Вы замечательно выглядите, достопочтенная старшая наследница, – еще раз, теперь уже самой Эноре, поклонился Хаджар.

– Ты тоже, Хаджар Дархан. – Она ответила кивком, а затем внимательно осмотрела одежды Хаджара. После посещения “Запретного города” Хаджар решил, что лучше он будет чаще медитировать, чем снимать доспехи Зова. – Интересные одежды на тебе, мечник... от них веет холодом зимы.

Хаджар сначала не понял, о чем речь, а затем вспомнил старые легенды. Эльфы не только произошли от древнего духа леса, но и являлись очень далекими родственниками фейри Летнего двора.

– Подарок, – ответил на неозвученный вопрос Хаджар. – Старшая наследница, когда я говорил вашим воинам, что у меня не так много времени, я не лукавил. Давайте побыстрее разрешим наши общие проблемы и вернемся к личным делам.

Энора ничего не ответила. Ее серые доспехи, плотно облегающие изумительную фигуру, отражали солнечные лучи, проникавшие сквозь кроны деревьев.

Каштановые волосы обрамляли круглое, точеное лицо. В руках она держала сияющее золотой энергией копье-алебарду. Она была красива. И вполтину не так, как младшая сестра, но все же достаточно, чтобы сводить смертных мужчин с ума.

Хаджар же за годы странствий видел столько прекрасных леди, что уже не обращал на это практически никакого внимания.

Человек привыкает ко всему – даже к плотской красоте.

– Ты изменился, Хаджар, – внезапно переходя с официального тона на простой, произнесла Энора. – Я помню мальчишку, который пытался сбежать из владений моего отца. Теперь же без страха ко мне на порог явился мечник... А ведь прошло совсем мало, даже по меркам человека, времени.

– Возможно... А теперь давай все же навестим твоего отца. Честно, у меня чрезвычайная нехватка времени.

Энора только улыбнулась. Заправила выбившуюся прядь за ухо и молча пошла по тропинке, бегущей меж местных домов. Вообще, так эти постройки (да и само слово “постройки” им не особо подходило) было сложно назвать зданиями.

Создавалось впечатление, что дома эльфов были не просто вырезаны внутри деревьев, а буквально выращены там. Как если бы дерево изначально росло таким образом, чтобы в нем сформировалось несколько “зданий”.

Соединенные лестницами, веревочными или деревянными мостиками, они вереницей вились вплоть до самой кроны. Чем-то это все же напоминало многоквартирный дом с Земли. Очень отдаленно, но общее сходство определенно прослеживалось.

Дворец эльфов и вовсе представлял собой нечто безумно сказочное, возвышенное, очень легкое, но неприступное. Имелось в нем, как и в “Запретном городе”, что-то от крепости.

Хаджар, став Повелителем, начал намного тоньше чувствовать и видеть мир. И от его взора не укрылся военный “привкус” атмосферы вокруг дворца Агвара Марнила.

Что-то было такое в прошлом эльфов, что как-то связывало их с императорским родом.

И, учитывая отношения Акены с Дорой, не лучшим образом связывало...

Глава 946

– Ваше величество. – Хаджар поклонился. Он “отрепетировал” жест в “Запретном городе”, и на этот раз у него получилось намного галантнее. – Ваше высочество.

Второй поклон предназначался сестре древесного старца, Талесии. Самой известной и могущественной целительнице Дарнаса. Эльфийке, способной вытащить адепта с того света.

– Хаджар Дархан, ученик Оруна. – Агвар предстал в своем “человеческом” облике. Высокий, сухой, подтянутый старик, в зеленоватых глазах которого плескалась мудрость, сопряженная со временем.

Пустая обманка.

Хаджар видел его истинный облик и истинное “я”. Ничего мирного, мудрого и добродушного в этом эльфе не было. Во всяком случае, не больше, чем должен иметь тот, кто носит корону короля.

Лишь в сказках мудрые и добрые становятся правителями. В реальности власть достается тем, кто готов за нее сражаться. А это люди совсем иного толка.

– Поговорим на свежем воздухе. – Король, одетый в будто сшитую из листьев и веток мантию, указал на беседку, стоявшую около пруда.

– Отец, – поклонилась Энора. – Тетушка.

Развернувшись, нынешняя старшая наследница покинула придворцовые пределы. Уже вскоре она скрылась в хитросплетении тропинок этого волшебного леса.

Каких-то заборов или стен внутри квартала эльфов не имелось. И дворец Агвара стоял на одинаковых правах с любым другим строением.

Единственное, что спешащие по своим делам ушастые старательно огибали район дворца и его ближайшие окрестности.

Так что могло даже появиться ложное впечатление, что присутствующие остались втроем. Но это было именно ложное ощущение.

Один только Хаджар насчитал три десятка лучников, в том числе и Талиса (мужской вариант имени Талесия). А нейросеть, расставив опознавательные знаки на условной карте, и вовсе обозначила сорок три враждебные цели, из которых одну пометила как смертельно опасную и неодушевленную.

Иными словами, Хаджар находился в центре грамотно расставленной западни.

– Холодные одежды, юный Хаджар, вы носите на своих плечах. – Агвар первым вошел в беседку.

Как и все вокруг, она была живой. Огромный куст каких-то фиолетовых цветов, который свился в подобие кувшинки. А внутри него точно таким же образом проросло несколько скамеек.

– В нем чувствуется рука королевы тьмы, – прошептала Талесия.

Собранные в косу длинные волосы, тонкие запястья и черты лица. Целительница выглядела уставшей. Оно и понятно – война в первую очередь подкашивала не только воинов, но и тех, кто занимался их здоровьем.

– Я уверен, что Дора уже рассказала вам о том, что произошло в Грэвэн’Доре, – пожал плечами Хаджар.

– Рассказала. – Агвар вытянул указательный палец, и на него опустилась небольшая птичка, очень похожая на трясогузку.

Притянув ее к себе, он начал ее мирно поглаживать, а та пела свою тонкую трель. Идиллия, не иначе...

Вот только будь это так, птица не была бы отмечена нейросетью как та самая “неодушевленная смертельная угроза”. Взгляд, прием Оруна, не смог пробить ту иллюзию, которой окутали артефакт, превратив его в птицу.

Что бы король эльфов ни держал в руках, это являлось его козырем. Картой, которая должна была побить “Шаг белой молнии” и Божественные доспехи Зова Хаджара.

– Но лезть в дела Зимнего двора... – Талесия осенила себя священным знаком своего народа и своей веры. – Мы позвали тебя совсем по другому поводу, юный мечник.

Хаджар выдержал паузу.

Он сложил руки таким образом, чтобы соединить рукава своих одежд-доспехов. Королева Мэб, когда ткала их, будто знала, что может возникнуть ситуация, когда Хаджару потребуются скрыть свой меч.

Именно это он и сделал. Синий Клинок прекрасно поместился в широких разрезах рукавов. И со стороны, даже если приглядеться, из-за свойств доспехов его не было видно.

– Я слышал, ты только что из “Запретного города”, Хаджар. – Агвар продолжал гладить птицу. Талесия же вертела в пальцах заколку. Нейросеть тоже отмечала ее как угрозу, но не смертельную.

Все трое, сидя друг напротив друга, были готовы к битве.

Прошли те времена, когда Хаджар боялся королевскую чету ушастых. Да, может быть, он и не одолел в честном бою Агвара и Талесию разом, но смог бы их задержать на достаточный срок, чтобы пробить себе путь к отступлению.

В своих владениях эльфы имели больше власти, чем Морган, но за стенами квартала Зеленого Молота они были такими же подчиненными Дарнаса, как и все остальные граждане.

Они бы не посмели его тронуть на улицах столицы, если не хотели навлечь на себя гнев императора.

– Нет нужды отмалчиваться, юный мечник, – улыбнулась Талесия.

Чисто по-женски.

Радужной, теплой улыбкой, при этом сжимая в руках “кинжал”.

Южный Ветер всегда учил Хаджара, что любой сильный мужчина должен верить только двум улыбкам – матери и дочери. Жену он в этот список не включал...

– Если честно, достопочтенные король Агвар и целительница Талесия, – наигранно устало вздохнул Хаджар, – с того момента, как я подошел к вашим владениям, успел устать повторять – у меня очень ограниченный временной ресурс. Давайте перейдем к делу, решим наши вопросы и отправимся каждый своей дорогой.

Король с сестрой переглянулись. Их молчаливый зрительный диалог длился недолго, но за это время Хаджар успел разработать четыре плана отступления и один нападения.

Только один из первых был после проверки относительно одобрен нейросетью. Она выдавала по нему больше тридцати процентов на успешность. Что для оценки выживания вычислительным модулем было просто невероятной щедростью.

Все же Хаджар стал намного сильнее и в чем-то даже опытнее и мудрее. Сказывались сорок лет, проведенных в сражениях и диалогах с учителем Оруном на Горе Стихий... ну или где они находились посреди вечно изменчивого Мира духов.

– Никто из нас не ожидал, юный мечник, – взгляд Агвара потяжелел, а его рука замерла над замолкшей птицей, – что ты сможешь за такой краткий срок, ведь ты потратил куда меньше отведенных тебе восьми лет, преодолеть барьер, разделяющий Рыцаря духа и Повелителя. Я не помню ни одной легенды, в которой упоминался бы герой, за четыре года справившийся с тем, на что даже у молодых гениев уходят десятилетия.

Агвар, словно невзначай, сделал ударение на слове “молодых”. Даже если отбросить в сторону, что сорок лет на Горе Стихий Хаджар провел в очень ускоренном темпе и в ином временном потоке, ему все равно уже перевалило за третий десяток.

По меркам адептов он мало чем отличался от новорожденного дитяти. Но по меркам аристократов-адептов Хаджар находился едва ли не на закате того времени, когда адепты прогрессируют быстрее всего.

Именно поэтому, если встретить первый век в состоянии Рыцаря духа, то чтобы перейти на следующую ступень, потребуется вдвое больше этого срока. И это с учетом небывалой одаренности адепта.

Так что столица буквально заполнена Рыцарями духа семи веков, десяти веков возраста и старше. И Повелителями, которым уже за полторы или к двум тысячам лет.

Таких было большинство.

Об этом можно легко забыть, когда находишься в окружении гениев из гениев, элиты среди элиты – сливок верхнего слоя учеников трех школ: “Святого Неба”, “Талой Воды” и “Быстрой Мечты”.

Но даже из них тому же Пьяному Листу, сильнейшему ученику из всех трех школ, было уже почти девяносто лет.

По меркам смертных – старец.

А здесь едва ли не мальчишка, не встретивший и первого века.

– Мне повезло, – только и ответил Хаджар. – Если вы хотели меня поздравить, то могли отправить гонца.

– Напротив, потомок Дархана, поздравлять здесь не с чем.

Агвар легонько кивнул, и два десятка стрел, окруженных разноцветной энергией, вонзились в землю вокруг беседки. Они сформировали границы волшебного символа, который мгновенно вспыхнул сложным узором. Нити из него оплели беседку и закрыли ее от внешнего мира.

Шансы нейросети, которые та демонстрировала, упали с тридцати процентов до одиннадцати целых пяти десятых.

Вот это уже куда более привычный расклад сил для Хаджара.

Из своих укрытий вышли лучники. Златошлемый Талис пристально следил за каждым движением Хаджара. На его тетиве покоилось сразу пять стрел.

Сам же Хаджар ощущал, как волшебный символ сковывает его энергию и мистерию. А вместе с давлением магии вдруг раскрылась и мощь дворца Агвара.

Она была несравнима с силой гробницы древнего императора драконов, но все же смогла отнять у Хаджара десятую часть его потенциала.

– Нам нужна от тебя клятва, Дархан. – Агвар сжал птицу, и та, хлопнув, превратилась в длинную, тонкую ветку какого-то дерева. С виду сухую и простую, вот только от нее веяло ничуть не меньшей разрушительной силой, чем от деревянного кинжала, переданного Хаджару племенем Шук’Арка.

Западня, в которую Хаджар, прекрасно понимая, что его ждет, вошел по собственной воле, окончательно схлопнулась.

Глава 947

Сохраняя внешнюю невозмутимость, Хаджар ровным тоном, не выражающим никаких эмоций, спросил:

– И что это за клятва?

– О том, что ни при каких обстоятельствах ты не поднимешь меча, в самом широком смысле этого слова, против нашего народа. – Талесия сжимала заколку так сильно, что капли мерцающей, явно не человеческой крови начали падать с ее пальцев на пол беседки. И там, где они касались дерна, прорастали отдельные цветки роз, шипы которых выглядели куда страшнее стрел лучников. – И о том, что при первом зове ты встанешь под наши знамена в войне нынешней и войнах грядущих. В свою очередь мы поклянемся сохранить твою тайну и не передавать ее никому и никаким возможным или невозможным образом.

Хаджару не требовались аналитические мощности вычислительного модуля, чтобы почуять ту самую вонь, о которой столько говорил Южный Ветер.

В обертке договора Хаджару без всякого стеснения подсовывали очередной ошейник.

– То есть вы хотите, чтобы я стал вашим слугой. – Хаджар изогнул правую бровь и откинулся на спину. – Вернее, даже рабом. И все это за простое обещание держать язык за зубами?

– Напомню тебе, принц Лидуса, – Агвар произнес это так, будто сплюнул, – что лучше быть живым рабом, чем мертвым глупцом.

– Слова того, кто никогда не носил рабского ошейника, – пожал плечами Хаджар. – Ну или труса.

Агвар сощурился, а ветка в его руках начала шевелиться. Или это только воображение Хаджара?

– Не забывайся, юнец. Ты говоришь с королем!

– Я только что беседовал с императором, – парировал Хаджар, – на его фоне разговор с вами меня не впечатляет.

Цветы под его ногами начали постепенно расти. Их шипы уже коснулись края одежд Хаджара, когда внезапно растения покрыла тонкая корка льда. Розы быстрее, чем потребовалось бы стреле, чтобы пролететь несколько метров, превратились в ледяные скульптуры.

А затем, стоило только подуть ветру, их развеяло в блестящую, мгновенно истаявшую пыль.

Талесия явно сдержалась от вскрика и слишком поспешно, чтобы это выглядело запланированным, отложила в сторону заколку. Она, как и розы, была покрыта льдом.

На ладони целительницы появился черный холодный ожог. Понюхав его, она сморщилась, провела свободной ладонью, после чего тот исчез, не оставив ни единого следа.

– Все в порядке? – Агвар выглядел явно обеспокоенным.

– Да, – сдержанно и несколько заторможенно кивнула Талесия. – Моя магия вряд ли навредит этому созданию Мэб.

Хаджар продолжал хранить молчание. Он прекрасно знал, что перед угрозой от любого фейри Зимнего двора доспехи, созданные королевой зимы, окажутся не прочнее лоскута дешевой ткани. Но того, что от магии Летнего двора они так хорошо защитят, он и предположить не мог.

Нейросеть, получив новые данные, мгновенно перевела ветку в руках эльфийского короля из разряда “смертельные” в “предположительно смертельные” и подняла процент до ровного значения в пятнадцать единиц.

– Тот факт, что вы знаете о моем прошлом, не сильно поможет в наших переговорах. – Хаджар постарался вернуть диалог в прежнее русло.

– Переговоры, юнец? – Агвар постепенно принимал свой истинный облик. Его кожа превращалась в древесную кору, глаза – в налитые огнем драгоценные камни, волосы и борода – в зеленый древесный мох. Его аура крепла и росла. – Ты примешь эту клятву или, клянусь великим лесом, я отправлю тебя к праотцам и уничтожу гниль в твоей душе.

Несколько лет назад под такими угрозами Хаджар начал бы вертеться как уж на сковороде и искать возможности обхитрить противника. Теперь же хитрость была не нужна.

Хаджар не чувствовал большей угрозы, чем та, что уже присутствовала. Эльфы выложили перед ним все свои козыри, а он еще и не начал рассматривать свои карты.

В какой-то момент Хаджар даже стал понимать Моргана. Тот был достаточно силен, чтобы хитрость заменить на игру.

Смертельно опасную, в чем-то подлую и лишенную чести, но действительно игру. Не в том плане, что это детская забава, а в рамках необходимости переиграть противника.

Словом, информацией, мелким делом или блефом.

Интриги...

Хаджар их ненавидел от всего сердца, но это не означало, что он не знал правил, по которым те велись.

– Именно что переговоры, достопочтенный король, – слегка поклонился Хаджар. Возможно, он мог бы обнажить Синий Клинок, призвать “Синий ветер” и дух Кецаля и начать с боем пробивать себе путь на свободу. Возможно, он даже хотел и собирался так поступить... Ровно до тех пор, пока все карты не спутала Анис Динос с ее местью дяде. – Видите ли, я уже говорил, что вернулся от императора. И он, насколько я понял, в ближайшее время собирается вновь меня куда-то отправить. Не думаю, что клятва, которую вы требуете, не нарушит мое слово императору. И когда он спросит с меня, придется ответить.

– Мы добавим в клятву слова о неразглашении с твоей стороны.

– В таком случае, когда я не смогу ответить, он отправит меня к генералу Шуверу. А под пытками рано или поздно я либо сломаюсь и умру, либо сломаюсь и попытаюсь ответить, и умру.

– Ты настолько не уверен в себе, мечник? – В голосе Агвара буквально плескалось презрение.

– Я настолько уверен в генерале Шувере. – Хаджар проигнорировал завуалированное оскорбление.

Ему уже было слишком много лет, чтобы подобно псу или юнцу кидаться на каждого, кто повел себя с ним неправильно. Пока не была перейдена определенная граница, Хаджар мог себе позволить смотреть на такое если не свысока, то издалека.

Прошли времена безрассудной мальчишеской удалости.

Даже Орун, при всем его могуществе, это понимал. Именно поэтому он и оставался “верным псом Дарнаса”. Потому что на кону было нечто большее, чем он сам.

Где-то там, в этом квартале, нашел свой покой и свой дом его друг и названный брат. Хаджар не мог рисковать счастьем Эйнена по своей глупости или пылкости.

– Если ты умрешь, то всем будет только проще, – процедила Талесия. Как и брат, сейчас она мало чем напоминала ту мудрую целительницу, которой предстала вначале.

– Возможно, – вновь пожал плечами Хаджар, – но генерал Шувер и Морган начнут свое расследование. И на свет может выйти что-то, что уже не будет приятно и вам тоже. А учитывая, что у нас в стране военное положение, его императорскому высочеству не потребуется ни суда, ни следствия.

– Да ты...

Агвар взмахнул рукой, и его сестра замолчала на полуслове.

Король какое-то время сверлил Хаджара взглядом, а затем ветка в его руках вновь превратилась в птицу.

– Ты ведь знал, когда шел сюда, что тебя будет ждать. – Его лицо и тело вновь приобретали человеческие очертания, а в голосе вместо презрения зазвучали нотки усталости и маленькой толики уважения.

– Разумеется, – согласился Хаджар, – было бы странно, если бы произошло нечто иное. Радужный яд, который я пережил, сделал меня сильнее. Это не могло вас не беспокоить. Что же до осколка Черного Генерала, я живу с ним уже четвертый десяток лет. Если за это время не произошло ничего жуткого, то...

– Не факт, что не произойдет потом, – перебил король. Он взмахнул рукой еще раз, и волшебный рисунок исчез, а следом за ним ушли в тень и лучники. Они умели в ней скрываться ничуть не хуже Эйнена. – Ты изменился, Хаджар Дархан, ученик Оруна... Может, вскоре мы будем вынуждены считаться с новым великим мечником Дарнаса.

– Спасибо за теплые слова, ваше величество, – поклонился Хаджар.

Они оба играли в игру. Агвар, столько лет держащий на голове корону, умел играть лучше, чем Хаджар. И это не означало, что эльф проиграл. Просто на данный момент у Хаджара оказались карты лучше.

Кто знает, что произойдет в следующем раунде.

Клятые интриги...

– Поклянись в одном, Хаджар Дархан, – внезапно продолжил король. – Ты сам, по своему желанию или по чужому наущению, никогда не расскажешь своей тайны и тайн Черного Генерала. Мы, в свою очередь, принесем такую же клятву.

Хаджар едва не спросил, почему было с этого и не начать, но вовремя прикусил язык.

Агвар мог получить в свои руки могущественного раба, так почему бы не попробовать это сделать. Он ведь в конечном счете ничего не терял.

Вскоре они уже произнесли нужные слова и поднялись, чтобы покинуть беседку.

– Я рад, Хаджар Дархан, что в этой войне ты сражаешься за Дарнас. – Агвар протянул предплечье, и Хаджар ответил тем же жестом.

– Как и вы, ваше величество, – произнес он. – Сегодня у нас с вами общий враг. И весьма могущественный. Думаю, наши с вами разногласия могут потерпеть до того, как этот враг будет повержен.

Агвар только улыбнулся. Чуть устало и чуть печально.

– Мой тебе урок, юный Хаджар: враги есть всегда... Враг есть всегда.

Вот так вот... Враг – с большой буквы.

Хаджар поклонился. Глубоко. Как того и требовали законы гостеприимства. Они все еще не были нарушены. Пройдены по самой грани, но не нарушены.

– Энора, – из тени после слов отца вышла в полном вооружении и с призванным духом старшая наследница, – проводи нашего гостя. Его ждут и другие дела, а мы и без того слишком задержались.

– Конечно, отец. – Энора развернулась боком, намекая на то, что Хаджару пора.

– Ваше величество, ваше высочество, – отвесив два поклона, Хаджар уже развернулся, как в спину ему донеслось:

– Все ли в порядке с глазами твоего друга, юный Хаджар? Эйнен почему-то отказывается от помощи моей сестры.

Хаджар повернулся.

Очень медленно.

Так, чтобы было видно каждое его движение.

“Синий Клинок” показался в его руках.

Если чему-то он и научился у императора Моргана, это тому, что в конечном счете в самой основе в любой подобной игре все решало лишь одно – сила.

Эльфы во всем квартале Зеленого Молота вдруг почувствовали, как к их горлу приставили меч. Нечто невероятно могущественное держало их жизни в своих руках.

“Графство меча синего ветра” окружило дворец Агвара. Оно сломило его ауру так же легко, как сухую ветку в руках самого короля. Белая молния ревущим драконом спустилась с неба. В ней исчез Хаджар, оставив после себя надвое рассеченную беседку.

– Отец, ты...

Агвар, чья отсеченная борода падала на землю, лишь смотрел на черную прогалину, оставшуюся после исчезновения мечника.

– Юный Тирисфаль нашел себе хорошего наследника, – только и сказал король. Он развернулся и, слегка посмеиваясь, направился обратно во дворец.

Совсем скоро...

Осталось уже немного...

* * *

Хаджар, стоя на пустынном проспекте, мысленно ставил в списке своих дел насущных галочку напротив пункта “Ловушка Марнилов”.

Впереди еще оставалась клятва Анис, сделка с Хельмером и смутный намек императора на очередное задание. И все это за ближайшие десять дней.

– Ненавижу интриги, – выругался Хаджар и пошел вниз по улице.

Глава 948

Перед тем как все завертится, Хаджар хотел решить еще несколько важных и неотложных дел. И именно поэтому он оказался в конце Восьмого проспекта.

Размеры столицы империи всегда поражали воображение Хаджара, даже после того, как он прожил в ней несколько лет (большую часть из которых, правда, находился вне города, либо на “горе” школы Святого Неба) он все еще не мог привыкнуть к тому, что лишь на одной улице здесь стояли десятки дворцов.

Каждый едва ли не подпирал собой первые слои облаков, и при этом каждая из резиденций имела свою, совсем не маленькую, огороженную и охраняемую территорию.

Дозор в основном несли либо элитные наемники, которые порой были ничуть не слабее в личном плане тех же младших офицеров армии Дарнаса.

Рыцари духа средней и развитой стадий, они держали в паре какого-нибудь клыкастого, шипастого или плюющего разнообразной дрянью монстра.

И при всем этом великолепии простора Восьмого проспекта, сравнимого по размерам с городом смертных, среди роскоши и пышности как-то странно смотрелся пустырь, на котором стоял невысокий трехэтажный дом. Такой мог бы выглядеть вполне себе чинно в том же самом городе смертных, но на Восьмом проспекте столицы империи – Даанатане...

Приезжие, наверное, очень часто путали его с чьей-нибудь сторожкой или вынесенной за пределы дворца кладовой. Но это только приезжие. Местные прекрасно знали, кому принадлежал этот участок земли и построенный на нем дом.

Участок, как и прочие дворцовые земли, впечатлял размерами. Не меньше гектара, это точно. Заросший бурьяном, сорняками, какими-то невнятными деревьями, согнувшимися от нелегкой жизни в центре столицы.

Странно было видеть на прекрасном лице Даанатана такую бородавку... если, конечно, не знать, чья она.

Хаджар, подойдя к двум вбитым колышкам, заменявшим здесь ворота, смело переступил через условную границу. Никакой защиты, никакой волшебной пелены или щита.

Не нашлось бы такого идиота, который решил бы вломиться в пусть и не охраняемый, но все же дом великого мечника Оруна.

Да, этот пустырь, как и дом, стоявший на нем, когда-то принадлежал ныне покойному учителю Хаджара.

– Приветствую. – Хаджар, как требовал того этикет, поклонился дому.

Теперь – его дому.

Пусть и ненадолго...

Сначала Хаджар хотел передать своеобразное наследство единственному другу покойного мечника, наставнику Жао, но со смертью Оруна его старый товарищ, отдав почести и спев песни тризны, сложил с себя полномочия наставника школы Святого Неба.

Забрав жену и ребенка, он уехал из столицы, и никто не знал, куда именно направился один из немногих, кто знал Оруна во времена, когда того еще звали Тирисфалем.

Так что сейчас Хаджар действительно оказался владением “поместья” и земли. Земли, каждый клочок которой стоил больше, чем сейчас находилось в пространственном кольце Хаджара.

Если бы тому сейчас требовались артефакты, он бы смело смог обменять этот пустырь на артефакт Божественного уровня, не менее...

Хотя сейчас у него были на эту территорию совершенно иные планы.

Засучив рукава Божественных одежд-доспехов его Зова, взмахом ладони призвав из стоявшего неподалеку сарая грабли, Хаджар принялся, шокируя редких в нынешнее беспокойное

время прохожих, прибираться на пустыре. До вечера оставалось приличное количество времени, и адепты должны были собраться еще нескоро.

Почему бы и не занять себя своеобразной “активной медитацией”.

* * *

За массивным столом, который можно было бы использовать в качестве заплатки на крепостные ворота, собралось не так уж и мало народа.

Том Динос, закинув ноги на столешницу, потихоньку отпивал из жестяной кружки пахучий отвар. Он оглядывался и морщился при виде голых стен, лишенных портретов, картин или гобеленов.

Внутри дом выглядел еще беднее и проще, чем снаружи.

Младший наследник Хищных Клинков провел пальцем по одинокому комоду и едва не чихнул.

Слоя пыли, который он стер, было достаточно, чтобы фурнитура зрительно уменьшилась на несколько сантиметров.

Его сестра, Анис Динос, сидела рядом, но выглядела куда более напряженной, чем ее расхлябанный младший брат. Сцепив руки замком, она не сводила глаз с сидевшего напротив Хаджара, по правую руку от которого приютилась Анетт из племени Шук’Арка.

Прошедшие несколько дней чернокожая красавица посвятила изучению языка Дарнаса. И учитывая, что она умела использовать волшебные слова, создавшие этот мир, человеческие поддавались ей стремительными темпами.

Даже не обладая абсолютной памятью Рыцаря духа, имея абсолютно иное строение энергетического тела, она за эти дни научилась вполне сносно выражать свои мысли.

Через несколько стульев с левой стороны сидели Дора с Эйненом. Тот снял повязку с глаз, но теперь их уже не закрывал. Фиолетовые, нечеловеческие, они цепко следили за обстановкой.

Маска, прикрывавшая нижнюю половину лица островитянина, скрывавшая под собой жуткие шрамы (память о путешествии в джунгли Карнака), была исписана волшебными символами.

Хаджар, приобретя возможность использовать внешнюю энергию (магию), еще пока не успел погрузиться в нее на достаточном уровне, чтобы понять, что эти символы означают, но обостренное чутье Повелителя подсказывало, что все они несли в себе исцеляющую силу.

– Итак, – прокашлялся Хаджар, – начнем, пожалуй...

Анис посмотрела на соседний, задвинутый за стол стул. Справа от нее раньше сидел Гэлхад. Отец ее ребенка, возлюбленный, воин и тот, кто так и не стал ей мужем.

– Вы все принесли мне клятву, – прошептала Анис. – Мне и Гэлхаду. В обмен на нашу верность и помощь вы поклялись помочь нам свергнуть главу клана Хищных Клинков.

– Ну, на самом деле не все, – Том отсалютовал кружкой в сторону Анетт, – наша гостья ничего и никому не приносила.

– Приносить... – Говор Анетт был так же привлекателен, как и ее соблазнительное тело. – Моя никому ничего не приносить... встать и сходить сам, если хотеть...

Том только широко улыбнулся и неопределенно покачал головой. В чем-то становясь старше, он все сильнее походил на Карейна.

– Мы помним наши клятвы, подруга. – Дора, сжимая ладонь Эйнена, говорила мягким, теплым тоном. – И никто из нас от нее не отказывается.

Анис обвела взглядом всех присутствующих и, убедившись в том, что никто не спрятал глаза, продолжила:

– Тогда нам стоит приступить к разработке плана. Пока власти Дарнаса будут заняты первыми месяцами активной войны с Ласканом, у нас не найдется лучшего шанса, чтобы нанести свой удар. К тому же...

– К тому же, – Хаджар, перебивая Анис, достал из пространственного кольца стопку бумаг и усилием воли распределил их между всеми сидящими за столом, – первый шаг на пути исполнения клятвы мы уже сделали.

– Да, и какой же? – Анис даже не взялась за стопку, опустившуюся прямо перед ней.

– Мы нейтрализовали Лариса Диноса, – пожал плечами Хаджар.

Он говорил об этом так, словно убить одного из лучших мечников поколения было все равно что два пальца... Хотя сейчас нужно было понимать, что Хаджару хватило бы всего двух ударов в нынешнем своем состоянии, чтобы отправить Лариса к праотцам.

– И как же нам это поможет, варвар? – Том, в отличие от сестры, бумаги все же взял. – И вообще, что это ты нам подсунул?

– Сценарий, – все тем же ровным тоном ответил Хаджар, – нашей маленькой революции.

После этого адепты все же соизволили прочитать бумаги. Анетт, которая последние несколько часов помогала Хаджару прибирать дом Оруна, и так была в курсе всех деталей.

Вообще, чернокожая некромантка не обязана им помогать, но пока не могла найти своего места в новой для себя жизни. Так что стремилась держаться поближе к тому, что ей хоть относительно знакомо.

Хаджар это понимал и... использовал.

На душе от осознания, что он постепенно превращается в подобного тем, кого так ненавидел, становилось паршиво.

– Удивительно, Хаджар, но... – Том отложил бумаги в сторону. – То, что я прочитал, выглядит как вполне сносный план. А совсем не как безумная авантюра.

В ответ на это Хаджар с Эйненом только переглянулись.

В отличие от остальных, островитянин получил полную версию “сценария”...

Спустя еще полчаса споров и поправок адепты пришли к соглашению и, принеся клятвы, начали приготовления к самому дерзкому из переворотов Даанатана за последние несколько веков.

Глава 949

Брустр Динос лежал в своих покоях. Несмотря на видимую простоту, стены их были обшиты самыми дорогими породами дерева. На полах лежали лучшие ковры работы мастеров из Моря Песка. Гобелены и картины изображали сцены из мифов и легенд.

Под огромным балдахином на постели, где даже носитель крови Вечной Горы мог бы лечь плашмя, спало сразу несколько человек.

Вокруг Брустра, как котят вокруг матери, свилось клубками так много прелестнейших наложниц, что разобрать, где чьи конечности, было практически невозможно.

Жена Брустра, которая родила ему двух наследников, как и было положено, находилась в женском крыле и без разрешения главы рода не имела права его покидать.

Веками так было и так будет – лучше и для женщины, и для мужчины...

– Сын мой, – прошептал Брустр.

Поднявшись, не заботясь о том, что может кого-то разбудить, Динос едва ли не по телам стонущих наложниц прошелся по кровати и спустился на пол.

Зарываясь пальцами в густой ворс ковров, он накинул на плечи шелковый халат, вышедший из-под иглы самой Брамы. Подойдя к разноцветному витражу, взял с подоконника бутылку трехвекового вина и бокал из прозрачного, как слеза младенца, хрусталия.

Брустр всегда любил все самое лучшее.

Лучшее вино в самых дорогих кубках.

Самые дорогие женщины в самых лучших нарядах.

Лучшие клинки в ножнах, за которые можно купить чью-нибудь верность.

Дорогие кони в стойлах, напоминающих дома вельмож.

Всего этого у Брустра не было. Этим владели его дед, его отец, его старший брат, но не он. Брустру доставались лишь объедки со стола главной семьи. Семьи, из которой его, младшего сына, выкинули как ненужную, паршивую отцу. Стоило ему отправиться в школу Святого Неба, как он мгновенно понял, что значит быть в кругу аристократов “младшим наследником”.

Шутом и балагуром. Никем не оцененной и незамеченной тенью того, кому по упущению богов повезло родиться на несколько лет раньше.

И неважно, был ли младший сын талантливее или умнее – кровную линию нельзя прерывать, и корону клана получал лишь первенец.

Так было всего...

Брустр так и не отпил вина и, поставив кубок обратно на подоконник, тяжело на него оперся.

Он ненавидел их.

Отца, деда, брата. Ненавидел за те пощечины, что окрашивали его лицо алыми пятнами. За плевки, стекающие по спине. За объедки, которые он после наказания воровал у слуг.

Ненавидел за то, что за все провинности брата в итоге наказывали его, Брустра. Ведь нельзя даже тронуть пальцем старшего наследника, которому впоследствии править домом Хищных Клинков.

Он ненавидел их...

Но больше всего даже не за унижения и лишения, а за разрушенную жизнь и растоптанную честь. За то, что жена, которую он должен любить, живет в другом крыле дворца, и от одного ее вида Брустра выворачивает наизнанку.

За то, что на его постели лежат наложницы, лиц которых поутру он даже и не вспомнит, если сам того не захочет.

– Ленис, – прошептал Брустр.

Он увидел ее отражение в вине, плескавшемся в бокале.

Брустр любил все лучшее.

И он любил Ленис, младшую сестру Сальма Тареза, нынешнего главы торгового дома Тарез. Правда, во времена, когда они вместе посещали занятия и испытания школы Святого Неба, главами их кланов были совсем другие люди.

Он любил ее... каждый взмах ресниц, каждый вздох пышной груди, каждое движение тонких запястий, каждую ноту запаха каштановых волос.

Он думал, что это истинная любовь, что он нашел свою спутницу по пути развития, обрел утешение.

Ведь она отвечала ему взаимностью... Ведь они хотели уехать... отправиться на далекий северо-восток, где раскинулись неизведанные чужие земли, не принадлежащие ни одной из семи империй.

Регион, полный тайн и опасностей.

По легендам, там когда-то давно жили драконы, в том числе и величайший волшебник Синий Пламень Ху'Чин. Но кто бы ни отправился в чужие земли, он уже никогда не возвращался обратно.

Брустр этого хотел... Хотел не вернуться обратно. Не вернуться обратно вместе с Ленис. Но его брат... он забрал даже ее. Забрал Ленис.

Брустр в день свадьбы предложил сбежать. Предложил остаться вместе и...

Они лишь рассмеялась ему в лицо.

Зачем ей никчемный младший наследник, когда она идет под венец с будущим главой Хищных Клинков. И у нее будет все: лучшие мечи, лучшие платья, лучшие... лучшие... лучшие...

– Сын мой... – вновь прошептал Брустр.

Отражение предательницы в вине сменилось на облик его старшего сына. Его будущего наследника. Того, кто сможет снять бремя власти с самого Брустра.

Затем – на младшего, второго сына Брустра, Париса. Того, кто сейчас спал в соседних палатах. Мальчика, к десяти годам достигшего ступени “Оружие в сердце” и Рыцаря духа развитой стадии, самого талантливого мечника, которого только видел Даанатан.

Да, Парис станет великим. Затмит даже Тирисфалья, да примут этого старого ублюдка праотцы. Но Париса не будет ждать полная лишений судьба отца. Нет, Парис будет свободен... Свободен как птица. Он отправится туда, куда позовет его сердце, и будет владеть тем, что ему завоюет его меч.

Ларис же станет главой клана. Будет править. Ларис...

Слеза скатилась по щеке Брустра. Она упала в бокал вина и развеяла образ его умершего сына.

Он жил по кодексу меча. Мечом завоевал свою корону. Мечом отомстил отцу и брату, предательнице Ленис, вот только...

Он так и не смог убить ту, которая была так похожа на свою мать. И именем, и взглядом, запахом волос, движением тонких запястий...

Анис стала слугой. Брустр выбросил ее из своего сердца и дома, как щенка. Так же, как это сделали когда-то с ним самим.

– Сын мой...

– Отец.

Брустр вздрогнул. Он медленно, едва не сползая по стенке, повернулся. Там, в глубине покоев, клубились тени. Из них выходил лучезарный красавец со светлыми волосами и бледной кожей. Высокий, статный, горделивый и чванливый. Свободный, как и его брат. Свободный, как и его отец.

Готовый биться за то, что считает нужным и важным. Пусть это и не всегда, да почти никогда не сходилась со взглядами его отца.

Одно только мужеложество... но и это Брустр был готов простить сыну, лишь бы еще раз заключить его в объятия.

– Сын... – Брустр шагнул в сторону тени, но остановился. – Нет, это невозможно... я сам видел... видел, как шенок Тирисфаля убил тебя.

– Ты видел, отец... – Тень потянулась к Брустру. Постепенно ее очертания одновременно с тем, как она выходила на свет, менялись. Они истончались, кожа из бледной становилось серой. Сквозь нее проступали струпья, кости проедали черви, волосы падали на пол, обнажая белеющий череп трупа. – Ты видел, но ничего не сделал... почему ты меня не спас, отец?!

– Меч... – Брустр держался за сердце. Оно болело так, как еще никогда. – Кодекс меча, он...

– Он лишь слова, написанные твоими предками, отец! Ты не спас меня, потому что верен им, но... почему ты не отомстил за меня, отец?! – Скелет коснулся плеча Брустра. Холодный, влажный, от него веяло смертью. – Почему мой убийца еще ходит по этой земле, когда я должен лежать в ней. Не сожженный. Не преданный Реке Мира. Ответь мне, отец!

Брустр моргнул – и наваждение исчезло.

Он вновь стоял один в покоях. Спали наложницы.

Плескалось вино в кубке.

Лишь несколько прядей волос лежало на полу, и влажное пятно расплывалось на ткани драгоценного халата.

– Сын мой...

* * *

Хаджар вышел из переплетения волшебных символов, которые начертила Анетт. Эйнен, как и сама некромантка, валился с ног от усталости. Их тут же подхватили заботливые руки Анис и Доры, которые начали поспешно врачевать выбившихся из сил адептов.

Хаджар же смотрел в ту сторону, где раскинулся квартал Хищных Клинков.

Рядом с ним плечом к плечу стоял Том.

– Как думаешь, он купится?

Хаджар вспомнил увиденного им главу Хищных Клинков. Даже без магии теней Эйнена, слившейся с некромантией Анетт, которые превратили Хаджара в мертвую копию Лариса и перенесли его облик за многие километры, рано или поздно Брустр бы все равно пришел за его головой.

Либо так, либо вскоре клан Диносов чествовал бы иного главу. Просто потому, что нынешний умер бы от душевных ран.

Так что все, что сделал Хаджар, лишь ускорило естественный ход событий.

– Уже купился, – только и ответил Хаджар.

Глава 950

Не прошло и ночи, как к дому в конце Восьмого проспекта подъехала карета, запряженная четверкой гнедых. Хаджар, не показывая того, что только ее и ждал, вышел из дома, прогулялся по хоть немного очищенному от мусора и листьев пустырю и приблизился к двум колышкам.

Не переступая незримой черты, вложив рукав в рукав, он стоял и смотрел прямо перед собой. Не потому, что был слишком высокомерен или горделив, а просто слишком уважал законы гостеприимства.

Единственное, по сути, что отделяло общество от полной разрухи. Никак не законы империй или власть, а именно понимание того, что твоя свобода заканчивается там, где начинается нос другого человека.

Если ты только, конечно, не обладаешь желанием и силой, чтобы этот нос укоротить. В основном, скорее, даже желанием, а не силой.

Из кареты спустя несколько секунд вышел весьма стереотипный старичок. Хаджару не нужно было уточнений, чтобы понять, что это поверенный клана Хищных Клинков.

Все они, поверенные, почему-то выглядели почти одинаково. Старые, надменные, царавшие подбородком само небо и переполненные чувством собственной важности.

Так они выглядели со всеми, кроме хозяев клана. Рядом с теми они мгновенно превращались в скулящих и побитых собак. Даже если при этом их никто и не бил...

– Хаджар Дархан, ученик школы Святого Неба? – спросил старик.

Говорил он так, будто общался не с одним из лучших мечников не просто поколения, но всего Даанатана и, следовательно, всего Дарнаса (Хаджар был скромнен, но знал себе цену), а с самым замшелым бродягой.

Сам бы Хаджар себе никогда не позволил такого. Ни по отношению к бродяге, ни по отношению к королю. Жизнь научила его тому, что тверже любого металла всегда оставались лишь вежливость и уважение. Даже по отношению к тому, кого ты не знаешь... особенно по отношению к тому, кого ты не знаешь...

– Все верно, – кивнул Хаджар.

– Примите приглашение от великого клана Динос, также известного как Хищные Клинки, на венчание Париса Диноса, младшего сына главы клана Брустра Диноса, в статусе старшего наследника клана.

Старик протянул бумажный, не пергаментный, а именно бумажный свиток. Явный признак богатства и статусности. Не каждый дворянский род мог себе позволить использовать для приглашений бумагу, это же сколько ее надо закупить, чтобы разослать сотни и тысячи таких свитков.

Кстати, сам факт того, что к Хаджару приехал не простой слуга, а именно поверенный клана, говорил о многом.

– Благодар... – Хаджар потянулся, уже почти сомкнул пальцы на свитке, но старик внезапно ослабил хватку.

Подхваченное ветром приглашение, украшенное вензелями и стянутое алыми лентами, упало на песок под ногами Хаджара.

Поверенный даже не извинился. Он так и остался стоять с протянутой рукой, насмешкой на устах и полной уверенностью в своем превосходстве.

Наглядная иллюстрация того, как старость не означала разум или мудрость. Дожил до седины, а все равно остался глупцом. Даже не понимал, как его просто и открыто использовали.

Хаджар, как того и ожидал старик, нагнулся за приглашением, отряхнул его от пыли и, не убирая в пространственный артефакт, оставил при себе.

Все, как и требовал этикет.

– Не было нужды кланяться мне, юноша, – прокрихтел поверенный.

Вот вроде ничего особенно в этих словах не прозвучало, но на самом деле это было довольно-таки серьезное оскорбление. Статус личного ученика великого героя делал Хаджара равным по социальному статусу со старшими наследниками аристократических родов.

Фактически он находился не только на вершине пищевой цепочки силы в Даанатане, но еще и по положению тоже обитал где-то у облаков.

И неважно, что Хаджару безразлично и первое, и второе. Сила, которой он владел, по его мнению, незначительна, а на социальный статус сначала принцу, затем рабу и уродцу было плевать едва ли не с того самого момента, как он съел первые обеды в казематах Примуса.

Важно было то, что поверенный – слуга, Хаджар – почти аристократ. Такие слова почти равнялись брошенной в лицо перчатке.

Хаджар посмотрел за спину поверенному. Темная карета с белым гербом Хищных Клинков.

Брустру придется постараться немного лучше. Пока он даже в подметки не годился той прививке, которую Хаджару сделали несколько раундов общения с императором Морганом.

Шокируя своим поведением старика, Хаджар, нисколько не смущаясь, глубоко, в пояс, тому поклонился.

– Только бесчестный юный, – сказал он выпрямляясь, – не чествует того, чьи волосы белее, чем у него.

Теперь уже сам старик стоял как грязью облитый. Всего пара слов из законов гостеприимства, а Хаджар выставил поверенного жалким псом, не знающим, когда лаять, а когда выглядеть грозным стражем своих владений.

Поверенный, покраснев и поняв, что уронил свое же достоинство, отступил и исчез в карете. Та вскоре развернулась и поехала вдоль проспекта – доставлять и другие приглашения.

Хаджар, покачив головой, направился обратно к дому. Там его уже ждали все те же лица: Том и Анис, Дора и Эйнен и Анетт, которая в данный момент спала на кушетке.

Ночное происшествие вытянуло из нее слишком много сил, так что теперь она отдыхала. Все же Talesh, настоящие маги, были слишком слабы телом. Немногим сильнее смертных, они выживали лишь за счет мощнейшего духа.

Но подобное развитие нынешний Хаджар (который десятки лет на Горе Стихий постигал магию в виде “Королевства ветра”, а затем объединил его с мистериями духа меча, оставшимися у него после разрыва метки) считал однобоким и неправильным.

Недаром древние с Земли утверждали, что в сильном теле – сильный дух. Нельзя было развивать что-то одно, забывая обо всем остальном.

– Почему ты его не убил? – Анис буквально плевалась желчью.

По ней и по Тому было видно, как сильно они ненавидят этого поверенного. Хаджар не сомневался, что если бы не их план, то брат с сестрой разорвали бы старика, стоило тому только покинуть квартал Клинков.

– Потому что это была ловушка. – Хаджар развернул письмо и вчитался. – Третьим днем меня, а также до десяти сопровождающих приглашают на празднование венчания Париса.

– Ловушка? – переспросил Том, кажется, прослушавший все остальное. – Что еще за ловушка?

– Поверенный клана – лицо клана, – вместо Хаджара ответила Анис. – Если бы варвар его хоть пальцем тронул, это считалось бы равносильным нападению на самого Брустра и дало бы тому повод ответить тем же.

Именно это своими словами и пояснил Хаджар старцу. Древний закон,ставлявший простого слугу чуть ли не вторым человеком в клане, умных делал осторожнее, а глупцов... глупцов он делал такими вот стереотипными личностями.

– А разве именно это нам и не надо? Ну, чтобы Брустр напал на варвара?

– Вот поэтому я и спрашиваю тебя, Хаджар, – Анис прищурилась и сделала шаг в сторону Хаджара, – почему ты отказался от этого шанса?

– Потому что это слишком очевидная ловушка, – вздохнул Хаджар, – и попадись я в нее, это бы выглядело слишком неправдоподобно.

– Неправдоподобно?! – Том казался потерянным. – Да, проклятье, для кого? Для Брустра?! Он всех вокруг считает людьми второго сорта – даже не заметил бы.

– Он бы, может, и нет, – в глазах Анис гнев и ярость сменились пониманием, – но есть и другие, кто следит за нами.

Хаджар кивнул.

– Именно поэтому, – он вытащил на свет перо и чернила, – мы пригласим с нами Рекку Геран.

– Почему именно ее? – Дора, кажется, была не очень рада перспективе общения с Реккой.

– Все просто, – Хаджар уже начал писать первые слова, – наша знакомая весьма талантливый двойной агент. Работает и на стражей, и на Тайную канцелярию.

Произнесенные слова имели эффект разорвавшейся бомбы, и лишь один только Эйнен понимал, что это еще не самое с виду безрассудное, что запланировал его друг.

Глава 951

Клан Хищных Клинков не был военно-ориентированным, как те же Гераны, Зеленый Молот или Вечная Гора, но тем не менее их квартал обладал именно той суровой армейской мощью, которой не могли похвастаться остальные аристократические роды.

Высокие каменные стены самого настоящего замка рассекали изящные и стройные улицы и проспекты Даанатана. Неподалеку от Восьмого проспекта, практически вплотную к административному центру и Императорской улице, ведущей к Вратам Ярости, вздымался замок.

С воротами и барбаканом, рвом, залитым алхимической водой, подъемным мостом, зубцами на стене, бойницами и пушками. Все это должно было представляться чем-то несуразным, монструозным и в то же время абсолютно нелепым. Но по какой-то причине такого ощущения не возникало.

Может, из-за того, что мост опустили, пушки занавесили, и слуги стояли около барбакана, чтобы приветствовать реку гостей. Пестрые наряды, дорогие украшения на не менее дорогих женщинах, океан слуг, пытающихся выглядеть старше, чем они есть, юные наследники и дети.

Хаджар с удивлением увидел одиннадцатилетнюю девочку, одетую в платье, ничем не уступающее своими вырезами и заливами платью ее матери-красавицы.

Вот это, а не замок, выглядело несуразно, монструозно и абсолютно нелепо.

– А я надеялся, – Хаджар откинулся на спинку кресла кареты и задернул занавески на окне, – что прием у императора станет для меня последним подобным мероприятием.

– Но при этом не выкинул наряд мисс Брами? – Том, напяливший костюм, повторяющий контуры военного камзола, раскачивал хрустальный бокал с вином.

– Слишком много он стоит, чтобы раскидываться подобным, – проворчал Хаджар.

Наряд, сшитый самой королевой Мэб, выглядел ничуть не хуже того, что создала самая известная портниха Даанатана. Но от него явно веяло энергией доспеха Божественного уровня. Заявиться в подобном на торжественный прием не позволили бы не только этикет, но и стража, которая стояла у врат.

– Если ты получишь звание великого героя, тебе предстоит не один такой прием. – Анис несмотря на то, что выбирала разные платья, придерживалась одного стиля. Это всегда была черная юбка, а на плечах и в районе декольте огромное количество вырезов, лишь немного прикрывающих самые пикантные места.

Мода...

– Кстати, о звании. – Карета двигалась чересчур медленно – очередь аристократов и дворян, приглашенных на празднество, тянулась до самого начала улицы. – Рекка, не объяснишь, что со мной пыталась сделать жена императора?

– Ее императорское высочество, как старшая женщина императорского рода... – Рекка, как и положено стражу, не снимала доспеха. В данном случае это был парадный, облегченный вариант. Но даже в таком ни один смертный не смог бы по своей воле сесть и уж тем более встать. – ...обладает печатью первого героя. Древним артефактом, который существовал еще с начала эпохи ста королевств.

Хаджар вспомнил каменную плашку, которой императрица чуть было его не покалечила.

– И что эта печать делает?

– На несколько секунд высвобождает силу, равную полной мощи первого героя ста королевств. – Рекка нисколько не язвила и не строила из себя высокомерную даму. Была в ней черта, которая льстила ее самолюбию: она любила, когда у нее что-нибудь спрашивали. – Как его звали, не спрашивай, этого никто не помнит. Известно только, что он был обоеруким мечником и имел странное прозвище. Что-то связанное с кривыми лапами.

– Прозвище?

Рекка кивнула.

– В те времена еще не знали истинных времен, Хаджар. Так что за заслуги тому или иному адепту или, как их тогда называли, герою общество само нарекало имя. Обычно не очень приятное.

Хаджар подумал о том, что это весьма забавная традиция, хотя и лишенная всяческого смысла.

Став Повелителем и научившись немного иначе чувствовать окружающий мир, Хаджар ощущал, что в татуировке на его руке скрыто куда больше значения и смысла, нежели простое “Дархан, Северный Ветер”.

Это было что-то иное. Мистичное и волшебное.

– Получается, – Том даже подался вперед, – звание великого героя – это не просто почетный титул?

– Отнюдь нет, – фыркнула Рекка. С каждым вздохом ее доспехи слегка звенели о ножны, хранящие два клинка-паразита. – Вообще, изначально великих героев было всего семь.

– По числу империй, – догадалась Дора.

Как и Анис, она предпочитала в платьях лишь один цвет – серебряный. И всегда выбирала те, в которых имелся плащ, при этом подбирала белоснежные волосы диадемой.

– Скорее по числу плашек. – Скучающий Эйнен, напяливший тот же камзол, что и на балу императора, смотрел в окно на вереницу карет, растянувшуюся впереди и позади их самих.

Диносы явно собирали весь цвет столицы, и многие по случаю такого приема даже вернулись в город из своих временных жилищ-убежищ.

Хаджар не хотел считать их трусами, ведь у каждого, как и у наставника Жао, были на то свои мотивы, но... Все же одни сбежали, покинули город, взяв с собой все свои пожитки, а другие остались сражаться и защищать родину.

– Островитянин прав, – кивнула Рекка. – Семь древних печатей – они выдавались каждому, кто мог устоять перед мощью первого великого героя.

– Ну так, а в чем суть? – Хаджар, как и его названный брат, вернулся к созерцанию улицы. – Зачем нужны великие герои?

– Как и любой великий человек, они нужны, чтобы защищать народ от великих угроз. Тот, кто обладал плашкой великого героя, отправлялся сражаться с самыми опасными монстрами, противниками или аномалиями. Они были щитами той эпохи.

– Семь героев – семь щитов? – Хаджару показалось, что он уже где-то видел такой символ. И тот факт, что Дора с Эйненом в этот момент выглядели несколько... иначе, лишь настояжился. Внезапно, может, благодаря силе Повелителя, а может, еще как-то иначе, Хаджар понял, что его товарищ что-то скрывает... Впрочем, у всех были свои тайны. – Получается, до эпохи ста королевств общество не было разобщенным?

– Было, – Рекка поправила перевязь, и грани ножен хищно блеснули на свету, – но люди того времени умели объединяться перед угрозой, способной их уничтожить.

Хаджар обвел присутствующих взглядом. Он был уверен, что никто из них понятия не имел о том, что Дарнас, как и остальные империи, находился под властью страны драконов.

– Сейчас, спустя столько эпох, люди стали намного могущественнее, – продолжила Рекка, – и одной печати хватает лишь на одну империю. Что же до твоего вопроса – тот, кто достоин звания великого героя, становится кем-то вроде эмиссара императора. Он неподвластен законам общества, стоит над любой ветвью власти. Его ежемесячное содержание превышает годовой доход клана Небесного Ветра.

С началом войны казна клана Геран пополнилась настолько, что они уже давно не были беднейшим из семи аристократических родов. Теперь эту позицию занимал Небесный Ветер,

члены которого владели сетью гражданских воздушных судов. И именно по их делу беспокойное время и немирное небо нанесли максимальный урон.

Но даже так годовая казна аристократического клана – это колоссальная сумма. Так что возникал резонный вопрос – насколько богат... нет, не каждый отдельный великий герой, а императорский род! Ведь, как понимал Хаджар, содержание героев ложилось полностью на их плечи.

А в стране жил вовсе не один великий герой и даже не два и не три.

Что ж, теперь хотя бы становилось понятно, каким образом у Оруна оказалась такая коллекция драгоценных редкостей.

– И разумеется, они приносят прямую вассальную клятву императору, – внезапно добавила Рекка. – Каждый из великих героев – личный слуга правителя. Величайшая честь и почесть, которая превосходит все остальные грани звания.

У Хаджара было на этот счет собственное мнение.

После краткого экскурса двойного агента стражей и Тайной канцелярии (а может, еще и клана Геран, ведь почему аристократка служила в корпусе, Хаджар так и не выяснил) Хаджар уяснил для себя, что он никогда в жизни не пройдет испытания печатью.

Эйнен и Дора держались за руки, но смотрели в разные стороны.

Анис и Том слегка нервничали.

Рекка, напротив, выглядела слишком расслабленной и спокойной.

Каждый из них, каждый из тех, кому в данный момент Хаджар доверял свою спину, имел свои собственные цели и секреты. Даже его собственный названный брат.

Как и сам Хаджар...

Глава 952

– Ваше приглашение. – Перед Хаджаром, стоило тому выйти из кареты, мгновенно возникли сразу три человека. Все в доспехах, с клинками разной формы у бедер. Они демонстративно держали ладони на их рукоятях.

Все трое – Рыцари духа развитой стадии, обладавшие мистериями уровня владеющего. Даже по меркам Даанатана это была весьма могущественная тройка, которая могла остановить практически любую угрозу.

Наверняка не рядовые слуги.

– Конечно, – Хаджар достал из-за пазухи бумажный свиток и протянул его охраннику.

Тот сорвал печать и прочитал содержимое.

– Ученик школы Святого Неба, Хаджар Дархан с сопровождающими, – прочитал охранник, и ближайший из слуг уже помчался по мосту к камердинеру.

Почему Хищные Клинки не использовали хоть какие-нибудь артефакты ближней или дальней связи – да кто их знает. Может, традиции какие-нибудь.

Мечник посмотрел за спину Хаджару.

– Младшая наследница Зеленого Молота, Дора Марнил, – глубоко поклонился охранник. Мужчина средних лет с густой, побитой сединой бородой и тугой косой. Он выглядел статно и приятно. Явно часть аристократического рода, а не нанятый воин или слуга. Торжество, учитывая такую охрану, явно было масштабнейшим событием. – Рекка Геран, офицер корпуса стражей. Островитянин Эйнен. Младший наследник Том Динос с его слугой. Прошу, проходите.

Стражник отодвинулся в сторону. Так же отступили и двое других мужей, а вместе с ними и рядовые стражники, напялившие клановые доспехи Диносов. Все как один вооружены исключительно клинками.

Том и Анис выглядели так, будто их помоями облили. Диносы, стоявшие у подъемного моста, смотрели на брата и сестру, как на грязные помои, прилипшие к подошвам их кованых сапог.

Презрение так и витало в воздухе.

Становилось понятно, почему Том и Анис так редко возвращались в родное гнездо и большую часть времени проводили в “Святом Небе” или какой-нибудь гостинице.

Хаджар, идя впереди, чувствовал такие взгляды и на себе. Вот только вместе с презрением там еще присутствовала и ненависть. Воины Диносов, стоявшие через каждый метр вдоль моста, до побеления костяшек сжимали рукояти мечей и сабель.

Их желваки едва ли не плясали джигу, а из глаз буквально струилась жажда крови.

Видимо, Лариса здесь, может, и не очень любили, но уважали как более сильного мечника. А для мечников чужая сила всегда была либо предметом зависти, либо мотивирующим восхищением.

Что же, пока все шло по плану.

Пройдя под воротами массивных стен шириной в пять шагов, Хаджар вместе со своими “сопровождающими” оказался внутри “замка”. Теперь становилось понятно, что это скорее не военное укрепление, а отгороженное от внешнего мира огромное тренировочное пространство.

Всюду, куда только мог свободно упасть взгляд, либо растянулись плацы, либо возвышались полосы препятствий, стояли тренировочные куклы, стойки с разнообразным оружием, какие-то ямы, заполненные чем-то не очень приятным. Было видно, что именно здесь тренировались лучшие мечники империи – клан Хищных Клинков.

По слухам, он один был способен уничтожить любой другой аристократический род, а некоторых – даже вместе взятых. Хотя после прихода к власти Брустра Диносы никогда более не демонстрировали окружающим силу своего рода.

Брустр оказался весьма... мирным человеком. После убийства своего брата и его жены, он, по тем же слухам, вообще больше меча не обнажал.

Хаджар до вечера, когда ему пришлось выдавать себя за покойного Лариса, не верил этим слухам, но, увидев стоявшего около окна человека, более в них не сомневался.

Это уже не был тот мечник, что совершил переворот внутри клана. Это был разбитый вояка, который хотел лишь одного – покоя и достатка. Вот только любой воин, он как акула – покой и достаток для него равнозначен смерти.

Пройдя по мощеной камнем дороге, рассекающей плацы и тренировочные площадки, Хаджар в составе реки пестрых аристократов и дворян приблизился к главному дворцовому комплексу.

Здесь имелись и другие постройки, но все они меркли перед великолепием архитектурного гения, который увидел перед собой Хаджар. Дворец-замок по своей форме напоминал меч, устремленный к небу. И пожалуй, это было самое высокое и многоэтажное здание, которое Хаджар встречал в Даанатане.

По количеству витражей и бойниц он насчитал в главной башне-мече по меньшей мере тридцать четыре этажа. Даже в мире Земли, где стальные гиганты уже давно терзали облака, это строение считалось бы масштабным.

– Его построили мои далекие предки, – прошептала идущая рядом Анис.

Хаджар, опять же будучи Повелителем, особенно чутко ощущал потоки мистерий и энергий. И он чувствовал, как огромный клинок, рассекая небеса, буквально распарывает потоки Реки Мира, сетью выуживая из них мистерии духа меча.

– Здесь собираются...

– Мистерии, – кивнула Анис. Она, в отличие от всех других гостей, держала ладонь на рукояти меча и постоянно озиралась. – Даже твой учитель, Хаджар, великий мечник Орун однажды заплатил моему деду баснословную сумму, чтобы иметь возможность в течение десяти лет медитировать в Палате меча.

– Что еще за Палата меча?

Анис только улыбнулась. Слегка печально. Том в этот момент старательно разглядывал мыски собственных ног.

– Если у нас все получится – то вместо рассказа я лучше тебе ее покажу.

Хаджар искоса посмотрел на Анис. Девушка выглядела напряженной. Но не потому, что им предстояло проверить интригу, пусть и простую, но весьма кровавую, а по какой-то иной причине. И это несколько беспокоило Хаджара.

Он прекрасно понимал, что за прошедшие три дня, пока они с Эйненом прорабатывали детали своей тайной махинации, Том и Анис не сидели сложа руки, но... Да и Рекка, которая была чем-то вроде гаранта того, что император и генерал Шувер не будут иметь ничего против их заговора, выглядела далеко не спокойной.

Хаджар мысленно выругался.

То, что он сейчас намеревался сделать, выглядело попыткой засунуть голову в пасть голодному льву в надежде, что успеешь ее вытащить до того, как на шее сомкнутся клыки.

И речь шла вовсе не о Брустре. Хаджар не сомневался в том, что мечник за десять веков своей жизни успел накопить достаточное количество знаний и сокровищ, чтобы выглядеть серьезным противником, но Хаджар бы справился с ним. Тяжело, не без потерь со своей стороны, но справился бы.

И совсем другое дело – государственный аппарат Дарнаса и сам император во главе. Может, в другое время Морган и не был бы против небольшого переворота в клане Хищных Клинков. В конце концов, в прошлый раз ему, судя по всему, было плевать.

Но во время войны, когда над Дарнасом нависла угроза полного уничтожения, подобные междоусобицы делают страну лишь слабее и открывают врагу имеющиеся уязвимости.

Именно для этого и нужна была Рекка – чтобы показать власти, что действия Хаджара и Анис не навредят империи больше, чем навредил бы этот гнойник, если бы он лопнул без их аккуратного, буквально хирургического вмешательства.

И этот факт наверняка понимала и Рекка. Хаджар надеялся, что она нервничала именно потому, что не знала деталей ситуации, а не потому, что кто-то наверху был против их действий.

Хаджар пока не собирался сбегать из страны. Да и учитывая его собственный маневр с малой родиной, Лидусом, он теперь был связан с Дарнасом прочнейшими узами.

Император знал об этом.

А Хаджар знал, что император знает...

Проклятые интриги!

С этими мыслями Хаджар вошел внутрь дворца-замка, где он должен был стать организатором кровавого переворота. Кто бы мог подумать, что именно он, Хаджар Дархан, человек, ненавидящий подковерную возню дворян, станет не просто ее участником, а руководителем...

– Началось, – прошептала Анис.

Глава 953

Камердинер, который встретил группу адептов около входа в балльный зал дворца, выглядел так, как и представлял себе Хаджар. Статный, возрастной, вытянутый в струнку, в глазах чести и достоинства было больше, чем можно найти во всем квартале Хищных Клинков.

Такой человек мгновенно внушал уважение.

– Достопочтенные! – Камердинер вкладывал в это слово именно то, что оно и означало. Без единой нотки лести или обратной тому надменности, он говорил так, как должно. – Спешу напомнить вам, что в этом зале действуют законы гостеприимства, а также законы империи Дарнас. Прошу чтить одни и следовать другим.

– Спасибо, – Хаджар слегка поклонился, – надеемся, что не потревожим покой этого дома.

Камердинер кивнул. Он положил ладони в белых перчатках на ручки дверей, повернул их, а затем, перекрывая звуки музыки, эхо разговоров, шелест платьев и камзолов, стук каблуков по полу, громогласно произнес:

– Хаджар Дархан, ученик великого мечника Оруна с его сопровождающими.

Хаджар посмотрел на камердинера и при быстром обмене взглядами увидел просьбу о прощении. Все же, несмотря на честь и достоинства, он был простым слугой, связанным клятвами.

Брустр думал, что он ведет очень умную игру, но при этом двигал людьми так, будто они действительно были простыми пешками. То, как он заставил камердинера нарушить правила и представить гостя не тем титулом, который выбрал сам Хаджар, создало Брустру в лице слуги врага на всю жизнь.

Только глупец будет пренебрегать тем уроном, который могут нанести “маленькие люди”. Порой, когда таких глупцов становилось все больше, начинали рушиться целые империи...

Власть всегда стоит на плечах маленьких людей, а не иначе.

Проходя внутрь, Хаджар не особо обращал внимание на убранство. Оно к тому же мало чем отличалось от того, что можно было увидеть в подобном зале “Запретного города”.

Разве что в несколько раз беднее и проще, но это лишь на фоне императорского рода.

– Все знают свои роли, – прошептала Анис. Она, как и положено слуге, встала за спиной брата. – Пусть боги хранят наши сердца, друзья.

– Сегодня никто из нас не умрет, сестра, – ответил Том. Он посмотрел в глаза Доре, Эйнену и Хаджару, а затем направился к подиуму в северной части зала.

– Вы знаете, что делать, – кивнул Хаджар брату и его возлюбленной.

Принцесса эльфов, взяв Эйнена под руку, повела его в другую часть зала. Если Том и Анис направились отдать дань уважения главе своего клана, то Дора двинулась к своему.

В итоге Хаджар остался в центре зала абсолютно один (если не считать стоявшую рядом Рекку, разумеется). Он ловил на себе самые разные взгляды, наполненные любопытством и ненавистью, похотливые и холодно-безразличные.

Здесь собралось такое количество аристократов и дворян, что глаза разбегались. При этом Хаджар с удивлением понял, что некоторых он либо знает лично, либо они, пусть и мимо-летно, но пересекались.

Все же аристократия и дворяне были не только держателями власти, но и обладали огромным личным могуществом. А общество сильнейших – оно всегда тесное и узкое.

– Может, теперь, варвар... – Рекка, обойдя Хаджара, встала у того на пути. Те из господ, кто уже направился перекинуться парой слов с Хаджаром, завидев члена корпуса стражей, двинулись в обратном направлении. – ...ты расскажешь, что вы задумали.

Хаджар склонил голову набок и слегка улыбнулся.

– Нет.

– Я все еще жду... – Рекка явно выпалила заранее заготовленную фразу, которой собиралась отреагировать на совершенно другой ответ Хаджара. – Что ты сказал?

Хаджар подошел к сероволосой мечнице, наклонился и прошептал на ухо:

– То, что ты здесь, Рекка, уже говорит обо всем, что мне нужно. Это и есть твоя функция – просто быть здесь.

Хаджар отодвинулся и посмотрел на то, как побледнело лицо Рекки, а в глазах у нее появилось понимание, которое вскоре сменила слепая ярость.

Он прекрасно знал, что нет в мире существа страшнее, чем обиженная или униженная женщина. Но не мог оставить безнаказанным тот факт, что его самого и людей, ему близких, пытались использовать в своих корыстных целях.

– Это за джунгли Карнака, да, варвар? – прошипела Рекка.

– Именно, – кивнул Хаджар. – И мой тебе совет, ищейка, больше никогда не попадайся мне на глаза. В следующий раз, когда я увижу тебя, отправлю к праотцам.

Рекка схватилась было за клинки, но затем убрала руки за спину. Пусть медленно и плавно, пусть явно с надрывом, но все же убрала.

Хаджар уже был далеко не тем, кто отправился с ней в джунгли. Он был тем, кто с легкостью одолел противника, вселявшего ужас в сердце Рекки.

– Когда ты понял?

– Про твои клинки? – Хаджар кивнул на пару жутких паразитов в ножнах. – Или что ты отправилась с нами, чтобы найти способ излечиться? Как и то, что именно поэтому служишь двум хозяевам? И то, что именно из-за тебя мы трижды едва не погибли? Почти сразу, Рекка.

Геран сощурилась.

– Те, кто знал мою тайну, варвар, теперь видят лица своих праотцев, – затем Рекка повернулась в сторону, куда ушли Дора с Эйненом, – как и те, кто был им дорог.

Вдруг чьи-то мягкие пальцы взяли Хаджара за руку.

– Убирайся, помойная крыса, – шипение, которое прозвучало слева, могло заставить напрячься даже самого бывалого рубаку, – или я переломаю тебе все конечности и сама отсюда вышвырну.

Рекка мгновенно вытянулась по струнке и отсалютовала.

– Ваше императорское высочество, – поклонилась она. – Честь имею.

Стукнув каблуками, Рекка удалилась и вскоре скрылась среди гостей.

– Принцесса, – поклонился Хаджар.

– Сколько раз тебе повторять, – шипение сменилось приятным, ни к чему не обязывающим смехом, – для тебя Акена.

– Разумеется, – Хаджар выпрямился и посмотрел вглубь зеленых глаз прекрасной рыжеволосой дочери Моргана. – Принцесса Акена.

Прикрыв рот ладонью, девушка засмеялась. Затем она, нисколько не стесняясь окружающих, сделала шаг назад и закрутилась вокруг своей оси. Подол ее платья поднялся куполом, открывая щиколотки и даже часть икр.

Белоснежное платье, украшенное звездами и созвездиями, с него при каждом движении срывалась россыпь серебристой пыли, которая исчезала уже спустя мгновение.

– Как тебе? – спросила, улыбаясь, Акена.

– Госпожа Брами превзошла саму себя.

Принцесса улыбнулась еще шире и, взяв Хаджара под руку, направилась к столу с холодными закусками. Люди, только завидев ее, расступались и опускались в приветственных поклонах. Никому из них она не отвечала – ни жестом, ни словом.

– Она рассказала, что почерпнула вдохновение из доспехов одного мечника. – Акена изящным движением отправила в рот миниатюрное пирожное.

– Польщен, – кивнул Хаджар, – но, Акена, прошу, не надо делать из меня идиота. Что ты здесь делаешь? Императорская семья не посещает подобные мероприятия.

Девушка все с той же улыбкой взяла еще одну сладость.

– И именно поэтому ты пригласил этого ублюдка в юбку?

Хаджар прекрасно знал об отношениях между Акеной и Реккой, но слышать подобные слова из уст принцессы было все равно непривычно.

– Если бы я знал, что можно пригласить вас, принцесса, то немедленно отправил бы гонца.

Несколько долгих секунд они играли в гляделки.

– Считаю это платой отца за Карнак, – слегка печально и разочарованно вздохнула Акена. – Мой брат терпеть не может подобные мероприятия, так что пришла я. К тому же мы с тобой немного знакомы. Отец считал, что этого будет достаточно, чтобы ты все понял.

– Проклятые интриги... – Хаджар и сам не заметил, что произнес это вслух.

– Именно так, – засмеялась Акена, а затем подмигнула Хаджару. – Ты иногда напоминаешь мне отца с братом – вы трое патологически не расположены к веселью.

– Надеюсь, это единственное, чем я их нап...

– Моя принцесса, – Хаджара перебил знакомый голос. Из толпы к ним вышел Брустр Динос в сопровождении своей жены, маленького мальчика, а также Тома и Анис. – Какая честь приветствовать члена императорского рода в моей скромной обители.

– Глава Хищных Клинков, – кивнула Акена. – Я пришла по расположению к вашему гостю, Хаджару Дархану, и вашим кровным Тому и Анис Диносу.

– Разумеется, принцесса, разумеется, – закивал Брустр, а затем повернулся к Хаджару. – Ученик самого Тирисфалия... Что ж, я ожидал чего-то большего от носителя такой славы.

Хаджар посмотрел на Тома и Анис, заметил, что поодаль стоит Рекка Геран, а к ним уже идут эльфы вместе с Эйненом.

Сегодня он наконец избавиться от бремени клятвы, вот только...

– Здравствуй, Хаджар Дархан. – Вперед перед Брустром вышел маленький мальчик. Мальчик, в котором ощущался небывалый талант пути духа меча. – Я твой самый большой поклонник в этом доме. Прошу, не слушай моего отца, кодекс меча в нем ослаб, и он не может простить того, что Ларис оказался слабее.

Ребенок, говоривший совсем не детские слова, протянул Хаджару руку.

– Надеюсь, когда-нибудь я смогу стать равным тебе, мечник Дархан, чтобы мы могли сражаться с врагами Дарнаса плечом к плечу.

Сердце Хаджара пропустило удар.

Мальчик говорил искренне.

Без страха.

Без сомнений.

От чистого сердца.

Сердца, которое должен будет пронзить меч Хаджара...

Глава 954

Брустр посмотрел на сына с неодобрением. Взглядом, все еще наполненным отеческой любовью и заботой, но пророчащим скорое и не самое мягкое наказание.

Мальчишка отвечал могучему главе клана мечников абсолютным безразличием. Он счастливо, слегка нахально и беспечно улыбался и тряс предплечье Хаджара. Тот только удивлялся тому, откуда у столь юного дитяти подобная крепость духа и, что поражало еще сильнее, тела.

– Уведи его, – процедил Брустр.

Он даже не повернулся к своей красавице жене. Обронил приказ, будто обратился к слуге, а не ко второму человеку после себя в клане.

– Пойдем, Парис, – женщина наклонилась и взяла мальчика за левую руку.

Тот тут же приосанился, с лица сошла шальная улыбка. Выпрямившись и из сорванца превратившись едва ли не в принца империи, он прижался щекой к тыльной стороне ее ладони.

– Конечно, матушка. – И, держась за руки, они вдвоем вскоре скрылись среди толпы гостей.

Хаджар провожал их взглядом и чувствовал, как медленнее бьется тяжелеющее сердце.

– Не поздно ли уже, друг мой Брустр, юному воину таскаться за юбкой своей матери? – Из-за спин танцующих дворян и аристократов, вполглаза наблюдавших за происходящим, выплыл не кто иной, как Сальм Тарез.

Как всегда в самых дорогих одеждах, под руку он вел одну из своих самых молодых жен. Юной прелестнице с платиновыми волосами не было еще и семнадцати весен. С другой стороны, как яркий контраст, шла статная, знавшая всю подноготную аристократов высокая леди, во взгляде которой читались века интриг и сотни самых разных связей. Как деловых, так и любовных.

Хаджар многое слышал о старшей жене Сальма. О том, что на ее фоне даже самая ядовитая из змей будет выглядеть безобиднее пушистого белого зайчонка.

Теперь Хаджар понимал, что это было далеко не преувеличение, а ярчайшее из преуменьшений.

Они встретились с женщиной взглядами. Летиция Тарез. Ядовитый прекрасный цветок, который сводил мужчин с ума еще в те времена, когда не родился дед Хаджара.

Если в империи у Моргана и были достойные противники в интригах, так это Летиция.

Она посмотрела на Хаджара с легкой заинтересованностью, но без всякого беспокойства и вскоре уже перевела скучающий взор карих глаз на стол с угощениями. А если точнее, на зону с винами самых разных сортов.

– Глава торгового дома Тарез. – Брустр, как и полагается на подобных мероприятиях, сам приветствовал равного себе по рангу.

Старые противники и, пожалуй, в чем-то даже враги пожали друг другу предплечья. Вот только в этом дружественном жесте было столько взаимной неприязни, что даже поддержать марку у обоих не получилось. Летиция в ответ на это только закатила глаза, что-то прошептала мужу и, взяв за руку младшую жену, удалилась к столу.

Полигамия не была официально запрещена в Даанатане, но Сальм Тарез был единственным аристократом, кто открыто позволял себе содержать не только самый большой гарем наложниц, но и, кажется, пять или шесть жен.

– Завтра же, – нарочито громко, так, чтобы услышал весь зал, – мой сын, старший наследник клана Хищных Клинков, отправится в школу Святого Неба! Он станет самым молодым и самым выдающимся ее учеником за всю историю!

– Вот как? – Брови Тареза взлетели, и он сделал несколько шагов назад. – А юбка его матери отправится вместе с ним?

Брустр покраснел. Не от стыда, от едва сдерживаемого порыва прикоснуться к своему клинку.

– Что думаешь, Карейн? – продолжил Сальм. – Позаботишься о мальчике? Мы, аристократы, должны держаться вместе. Ты уж проследи, чтобы юный Парис не связался с дурной компанией... вовремя чистил зубы, ложился спать и не забывал правильно питаться.

– Разумеется, отец. – Карейн, выглядящий ничуть не хуже отца, спокойно жевал зеленое яблоко.

Его нисколько не беспокоила реакция окружающих на чавканье и тот факт, что он вытирал руки о спины соседствующих гостей.

Собираясь праведно вспылить, вельможи, дворяне и даже аристократы оборачивались, но, узнавая Карейна, делали вид, что все в порядке, и спешили убраться подальше.

Даже невзирая на личную силу, после смерти Лариса клан Тарезов оказался на одну позицию выше Хищных Клинков. И в данный момент они, хоть и не были сильнейшими, но, оставляя за собой позицию богатейших, уже наступали на пятки двум лидерам списка семи кланов.

Марнилам и Вечной Горе, глава которых почему-то не явился на торжество.

Самым могущественным по совокупности показателей из семерки.

– Хаджар, – Карейн, вытерев ладонь о спину какого-то старшего офицера, протянул руку Хаджару, – рад видеть тебя здесь, дружище. Немного варварства на таких праздниках жизни никогда не помешает.

Хаджар ответил на жест.

– Эйнен, Анис, Том, Дора, ваше императорское величество. Неужели банда Карнака снова в сборе? Не вижу только малышки Рекки и знойной Анетт. А я ведь так вырядился. – Карейн тут же сник. – Хотел произвести на нее впечатление... кстати, странно, а где она?

Только идиот бы не понял, что за показной расслабленностью и добродушием Карейна скрывается нечто иное.

– Поздравляю с праздником, Брустр. – Агвар, король эльфов, пожал руку главе Хищных Клинков. – Парис – достойная замена Ларису.

– Замена... – повторил Брустр. – Мой старший сын погиб, Агвар. Погиб, как и многие молодые, в погоне за честью и славой, но наш достойный император даже не считал нужным закончить турнир, чтобы память о моем сыне прошла сквозь эпохи.

– Даже если бы не случилась война, глава Хищных Клинков, о вашем сыне никто бы не вспомнил, – стоявшая по правую руку от Хаджара принцесса Акена смотрела на старшего Диноса так, будто видела перед собой кучу навоза. Хотя, если честно, так она смотрела на всю верхушку айсберга аристократии. – Никто не помнит тех, кто занял хоть какую-то позицию, кроме первой.

Динос повернулся к принцессе. С поклоном он ответил ей:

– Громкие слова, принцесса, из уст младшей из императорского рода.

В зале на долю мгновения повисла тишина. Даже Хаджар был удивлен подобному безрассудству со стороны Брустра. Тот ведь в буквальном смысле бросил в лицо Акене, что она является чем-то вроде уродца.

Незапланированное дитя.

Изгой, несмотря на любовь и заботу императорской четы.

Ошибка судьбы и серьезная проблема для всей страны.

– Но все это лирика. – Пока гости, в том числе и сама Акена, не пришли в себя, Брустр подошел к Хаджару. Настолько близко, что оба могли без труда дотянуться до стоявшего напротив. – Хаджар Дархан, ученик самого великого мечника Тирисфаля. Мы с твоим учителем были вечными соперниками. Наши клинки снискали славу во всех семи империях. Но увы, я

так и не имел возможности схлестнуться с ним в этом веке. Не поможешь ли ты мне успокоить свое сердце и сойтись в поединке, дабы я мог проверить свое искусство меча?

Тишина в зале никуда не исчезла. Народ стоял и смотрел на главу аристократического рода, насчитывавшего сотни веков истории.

Брустра Диноса, надменного и высокомерного мечника, который всегда глядел на стоявших ниже по социальной лестнице как на грязь под его ногами.

И вот он, стоявший на пике силы и социальной лестницы, тот, кто мог без приглашения входить в “Запретный город”, кто владел целым кварталом в Даанатане и мог себе позволить разве что не звезду с неба, обратился с просьбой к некоему Хаджару Дархану. Человеку, который, если отринуть произошедшее за последние месяцы, был потомком простого варвара.

Даже не коренного жителя Дарнаса.

И на этом фоне куда жестче прозвучал спокойный и простой ответ:

– Нет.

Глава 955

Тишина после ответа Хаджара стала только тяжелее. Она давила на плечи чем-то темным и... смертельным.

Летиция, налившая в бокал вина, раскачивала его из стороны в сторону и, вдыхая аромат, с куда большим интересом смотрела на Хаджара. Младшая жена Сальма выглядела испуганной и жалась к стойкой леди.

Карейн так и не надкусил яблоко и выглядел если и не ошарашенным, то явно человеком, который не ожидал, что его застанут врасплох.

Агвар с сестрой Талесией переглядывались и держали руки рядом с волшебными атрибутами.

Одни только лишь сопровождающие Хаджара, включая принцессу, никак не изменились в лице. Хотя в случае с Эйненом это вообще было невозможно.

– Ты отказываешь мне в этом одолжении, юный Хаджар? – Брустр покраснел едва ли не сильнее, чем тогда, когда его оскорбил глава дома Тарез, который в данный момент спокойно попивал виноградный сок. – На моем же празднике? В моем же доме?!

– Отказываю, – кивнул Хаджар. – В этом нет никакого смысла, достопочтенный глава дома Хищных Клинков. Ваше искусство не сравнится с мастерством моего учителя. Я же сам пока недостойн того, чтобы защищать его имя в подобного рода поединках. Если вы обратитесь ко мне через несколько веков, то, наверное, я смогу продемонстрир...

Хаджар прекрасно видел, как Брустр потянулся в карман за торчащей оттуда перчаткой. Он видел, как белая кожаная вещь, взлетев в воздух, понеслась к его лицу.

Он мог его остановить. Мог уклониться. Мог, даже не обнажая меча, обратить ее вместе с половиной зала в пыль. Мог достать Синий Клинок и постараться в ту же секунду неожиданным нападением отправить Брустра к праотцам.

Но он этого не сделал.

Он позволил свершиться унижительному жесту.

Перчатка, шлепнув о губы, медленно, едва ли не гусиным пером, упала на пол.

– Подобные оскорбления, Хаджар Дархан, смываются в нашем обществе кровью! – прорычал Брустр Динос. – И я вижу своим священным долгом показать зарвавшемуся простолюдину, каково истинное лицо аристократии!

– Что вы себе позволяете, Брустр?! – Акена вышла вперед, встав перед Хаджаром. – Немедленно принесите свои извинения! Вы не имели никакого морального права бросать вызов человеку, который лишь отверг ваше предложение!

– Морального, возможно, достопочтенная принцесса, – Брустр, обращаясь к принцессе, даже не думал кланяться, как того требовал этикет, – но ни вы и даже ни ваш отец не в силах лишить меня права, которое было высечено на камнях закона нашими далекими предшественниками. По законам Дарнаса любой гражданин может вызвать иного гражданина на дуэль! А с недавнего времени ученик Тирисфаля, старший брат баронессы Лидусской, является гражданином Дарнаса!

По залу прошли шепотки. Слухи в столице распространялись быстрее лесного пожара. Уже все прекрасно знали, что Хаджар был гораздо старше того возраста, о котором объявил при поступлении в школу Святого Неба.

Вот только одно дело знать об этом, и совершенно другое – сказать открыто и вслух. Этим Брустр буквально бросил в лицо ректору школы тот факт, что его обвел вокруг пальца выходец с таких дальних рубежей страны, что ее жители даже не являлись подданными императорской короны.

– Как и он имеет право отказаться, – прошипела Акена. Она повернулась к Хаджару, а затем так, чтобы увидел лишь он один, подмигнула. – Откажись от этой якобы дуэли, Хаджар Дархан. Ты имеешь полное право проигнорировать попытки этого человека отомстить за смерть сына.

И вновь повисла тишина в зале. Слова принцессы оказались ничуть не менее дерзкими, чем у самого Брустра. И тот это прекрасно понимал.

В общем и целом все выбросили на стол свои козыри. Сняли маски, сорвали шоры и показали истинные лица.

Глава Хищных Клинков был прав, когда говорил про “истинное лицо аристократии”. За внешним блеском и лоском скрывались хищные клыки, готовые порвать глотку любому, кто подойдет слишком близко или обманется этой дурманящей красотой.

Именно поэтому молодые и юные, не знающие правил местной игры, так часто гибли ни за что, надеясь, что в итоге получают все, о чем только мечтали.

– Разумеется, моя принцесса, – поклонился Хаджар. – Но ни один мужчина не отвернется от брошенной в него перчатки, если у него еще имеется честь.

Хаджар нагнулся и, как требовал этикет, поднял перчатку, убрав ее в карман. Сколько историй, сколько песен бардов сложено об этом простом жесте – своей перчатке в чужом кармане, но вот из века в век, из эпохи в эпоху мужчины пользуются своим правом законного убийства.

Именно мужчины.

Каким бы ни было просвещенным в плане полового равенства общество семи империй, но древний закон распространялся лишь на представителей сильного пола.

Женщина не имела права кого-либо вызывать на дуэль. Как, собственно, и участвовать в оной.

– Ты слишком похож на них, – едва слышно вздохнула отходящая в сторону Акена.

Хаджару не требовалось уточнять, на кого именно.

– Моим секундантом, я надеюсь, выступит твой старший сын, Сальмю.

– О, разумеется, старый друг, – глава Тарезов кивнул Брустру. – Карейн, не откажешься от чести стать секундантом главы Хищных Клинков?

– Стать секундантом человека, который пытается убить моего друга? – удивился Карейн, но, наткнувшись на строгий взгляд отца, развел руками. – Прости, Хаджар. Патриархат – злая штука.

Он встал по правую руку от Брустра, оставив Хаджара в полном недоумении. Это была часть образа Карейна или он действительно считал Хаджара другом?

Проклятые интриги...

– Как бросивший перчатку, – обратился Карейн к главе Хищных Клинков, – выбирайте время и место.

– Время – сейчас. Место – внутренний двор моего дворца.

– Время и место услышаны. – Карейн повернулся к Хаджару: – Ваш секундант, взявший перчатку?

Вперед без заминки, всяких сомнений или задних мыслей вышел Эйнен. Одетый в камзол, держащий в руках шест-копье, он, не страшась, в данный момент объявил себя врагом если не всей аристократии, то рода Хищных Клинков.

Таков был названный брат Хаджара. Скользкий, как змея, и бесстрашный, будто демон.

– Эйнен Кесалия, – представился островитянин.

– Какое оружие выберет ваш подопечный?

– Любое, какое по нраву сражающимся, – ответил Эйнен.

– Слова получившего перчатку услышаны, – кивнул Карейн, а затем обнажил свой раздечный нож, которым каждый истинный адепт приносил клятву на крови. – Пройдемте на

место дуэли, достопочтенные. Не будем затягивать с этим действием – остынут горячие блюда, а я даже не завтракал.

Вскоре во внутреннем дворе дворца собралась огромная толпа. Она заполонила все дорожки и плацы вокруг тренировочной площадки, по центру которой и встали Хаджар Дархан и Брустр Динос.

Два мечника, которых сама судьба свела таким образом, чтобы их клинки однажды встретились.

Хаджар поднял голову.

Тяжелые, темные тучи затянули небо. В столицу вновь возвращался сезон гроз и дождей.

Дули северные ветра.

Хаджар вновь слышал их рассказы.

Рассказы о дальних странах, о чудесах, которых не видели глаза ни одного жителя семи империй. О существах, силы дыхания которых было достаточно, чтобы стереть с лица земли весь Даанатан.

Эти рассказы проносились сквозь сознание Хаджара и, оставляя лишь послевкусие и смутные образы, устремлялись куда-то дальше.

Хаджар не мог запомнить, что ему рассказывал ветер. Порой даже казалось, что он не понимает языка, на котором с ним беседуют.

Интересно, как же на самом деле звали того, кто с ним говорил...

– Я позволю тебе, мальчишка, нанести первый удар. – Брустр обнажил свой меч. Слегка изогнутый, покрытый рунами и гравировкой. Он излучал ауру без малого Божественного артефакта.

Хаджар мгновенно узнал этот меч – таким же сражался Ларис Динос.

Меч, который по праву принадлежал после победы самому Хаджару.

Первые капли упали на лицо.

Опять дождь...

Совсем как в тот вечер.

В тот вечер, когда он смотрел на то, как родной дядя вырывает сердце из груди его матери.

– По древним законам, – произнес Хаджар, – когда глава одного аристократического рода бросает вызов главе другого аристократического рода, если последний не имеет наследника, он может выставить вместо себя слугу. Пользуясь правом, высеченным на камне нашими предшественниками, как законный временный глава рода Кесалия яставляю вместо себя свою слугу, Анис Динос.

Сверкнула хищная молния. Ударил смеющийся гром, и на песок тренировочной площадки, сняв туфли и обнажив клинок, вышла Анис Динос.

Ее зеленые глаза пылали яростью, а волосы позади развевались на волнах безумной энергии.

Глава 956

Тишина, которая и до этого была достаточно тяжелой, обрушилась на внутренний двор квартала Хищных Клинков отломившейся вершиной Горы Ненастий.

Она придавила людей. Заставила их сердца пропустить удар, чтобы осознать произошедшее.

Империя Дарнас, как и любая другая из семи, стояла на тех же семи столпах. Семь – число, несущее в себе сакральный смысл и идущее из самой глубины эпох. Число, смысл магии которого уже давно и всеми утрачен, но память жива в сердцах.

Сама мысль о том, что может появиться восьмой аристократический род, была настолько кощунственной, что вскоре зазвучали первые смешки. Затем по рядам волной пролетел чуть ли не истерический смех, которому на смену вновь пришла тяжелая тишина.

Люди осознали, что прозвучавшее не было шуткой, а происходящее вовсе не кем-то поставленный спектакль.

– Что здесь происходит?! – рявкнул Брустр. – У тебя, наглец, не хватает смелости или чести?! Что за бред ты придумал с аристократическим родом, главой которого себя назначил?! В Дарнасе семь родов, и уж точно в их числе я не припоминаю род Кесалия!

– Древние законы, – спокойно продолжил Хаджар, – гласят, что семь родов берегут семь краев империи. Крыльями они укрывают их от всех грядущих ненастий. Росла империя – росли роды и из могущество. Встречала империя войны и неурядицы, и один род сменял другой.

– Хватит твоего экскурса в историю! – Брустр сделал шаг вперед, но ему в горло тут же уперлось острие клинка Анис. – Уйди с дороги, дрянь!

Брустр уже замахнулся было рукой, как Синий Клинок вонзился в землю.

И все вокруг замерло. Капли дождя зависли в воздухе. Меньше игольной головки, они несли в себе такую мощь мистерий “Меча синего ветра”, что мало кто из присутствующих мог чувствовать себя в безопасности. И уж тем более никто из них не мог не заметить угрозы рядом с их собственным горлом.

Стоило только кому-то сделать движение, и они не были уверены, что им не придется сражаться за свою жизнь.

Закружились ветра. Суровые, холодные, пронизывающие до самых глубин души, они сковывали движения. Даже у самых могущественных из гостей, по их ощущениям, оказалась заблокирована десятая часть силы.

И это с учетом того, что все вокруг превратилось в единое “Королевство меча”, тесно переплетенного с северным ветром.

Одежда Божественных доспехов развевалась позади Хаджара. Синие вспышки молниями носились вокруг него. Гравировка на клинке, птица Кецаль, казалось, порой взмахивала крыльями, и с каждым таким взмахом “Королевство синего ветра” увеличивалось в размерах.

Никто не сомневался в том, что это было “лишь” “Графство”. И по всем правилам оно не могло превышать по площади расстояния в сорок шагов, но вот оно уже растянулось на семьдесят, затем на сто и остановилось лишь на расстоянии в сто двадцать.

На цифре, которая в три раза превышала предельную мощь простого “Графства”.

– Вы дослушаете меня, глава Хищных Клинков! – Голос Хаджара слился с раскатами грома, и сложно было отличить, где начинался рев природы и заканчивался рев, явно не принадлежащий устам человека. Скорее, зверя. – Империя Дарнас увеличилась баронствами севера и страной островов. Территория, которой она приросла, достаточна для того, чтобы очередной аристократический род укрыл ее своими крыльями. Я прошу Рекку Геран представить письмо из Тайной канцелярии, заведующей делами аристократии, с одобрением заявки на создание аристократического рода.

Рекка, которая все это время скрывалась в толпе, вышла вперед и продемонстрировала свиток, с которого свешивался изумрудный медальон с гербом императорского рода.

– Два дня назад, – начала читать она, – в Тайную канцелярию была подана заявка на создание рода Кесалия. Главой рода назначается Эйнен Кесалия, но в связи с непреодолимыми обстоятельствами, из-за боевой травмы и неспособности вести дела главы клана временным полномочным главой назначается глава побочной семьи Кесалия, Хаджар Дархан, урожденный Хаджар Дюран.

– Это какая-то чушь, – хмыкнул Сальм Тарез. Он был одним из тех немногих, кто в центре “Графства” Хаджара чувствовал себя относительно спокойно. – За сотню веков, с момента появления клана Небесного Ветра, не было создано ни одного аристократического рода. Для этого просто не найдется никого, кто скопил бы столько обеспечения.

По рядам полетели одобряющие шепотки. Чтобы создать аристократический род, мало было дожидаться значительного прироста территорий Дарнаса (что в совокупности дали десяток Северных Баронств и тысячи островов с их морскими территориями – последние в особенности).

В казну страны нужно было к тому же уплатить обеспечительный взнос. Взнос, на который многие крупные дворянские семьи не могли накопить вот уже целые века.

– Взнос предоставлен, – продолжила читать Рекка. – Оригинальный свиток, который содержит в себе полную стойку техники меча Божественного уровня.

– Полная стойка?!

– Вы слышали? Полная стойка Божественного уровня?

– Как такое возможно?! Разве все Божественные техники не находятся под властью императорского рода?!

– Неудивительно, что им одобрили заявку! Подобный свиток стоит больше, чем весь квартал Хищных Клинков.

В пространственном кольце Хаджара теперь недоставало одного свитка – свитка удара “Черного ветра”. Простого, будничного движения меча Черного Генерала, который он использовал, чтобы принять позу для художника.

Но даже в этом легком взмахе содержалось столько глубоких мистерий, что в Дарнасе его приравнивали к Божественному уровню.

Сам же Хаджар всегда мог тренироваться, пусть и по максимально урезанной, но довольно подробной копии, созданной в его разуме нейросетью.

Что ж, еще одна нить, связывающая Хаджара с прошлым, оборвалась.

– Есть еще одна деталь, – проговорила Летиция Тарез, выглядящая едва ли не спокойнее, чем ее отец. – Глава аристократического рода должен быть связан семейными узами с представительницей другого аристократического рода и...

Под свист молнии, грохот грома, пачкая в намокшем песке подол платья, вперед вышла Дора Марнил.

– Я, Дора Марнил, объявляю себя перед лицом аристократии и императорского рода невестой Эйнена Кесалия, главы рода Кесалия.

– Дочь! – Рев Агвара оказался ничуть не менее страшным, чем тот, что издал раньше Хаджар. – Опомнись, дочь! Ты собираешься покинуть наш род, род эльфов Зеленого Молота?!

– Собираюсь, отец, – кивнула Дора.

– И ради, позволь спросить, чего?! – Агвар, стремительно теряющий человеческий облик, указал на Эйнена. – Чтобы связать свою кровь с ним?! Простолудином?! Более того – с простым человеком? Подумай о том, кем станут твои дети!

– Мои дети станут великими воинами, отец, – твердо ответила Дора. Она взяла ладонь Эйнена и посмотрела в глаза королю и тете. – И я покидаю клан не ради кого-то, а ради того, с кем связаны моя судьба и сердце.

– Подумай, Дора, – прошептала Талесия. Она посмотрела на Хаджара и прижала ладони ко рту. – Ты свяжешь свою кровь... нашу кровь не только с Эйненом, но и...

– Это решено, тетушка, – перебила Дора, – и не подлежит обсуждению. Вы сделали все для того, чтобы я приняла именно это решение, так что, надеюсь, в будущем наши кланы смогут сохранить дружественные отношения.

И вновь повисла тишина. Тяжелая, гнетущая.

Потому как всем было известно, что происходит после того, как в империи появляется восьмой аристократический род. Он получает себе полвека. Полвека на то, чтобы любыми способами убрать со своего пути другой клан и, заняв его место, вернуть число “семь”.

– И чем же будет, простите за вмешательство, – подался вперед Сальм, – заниматься ваш клан? Какими крыльями ваш род прикроет баронства и острова?

Хаджар вытащил меч из земли и развеял свое “Графство”.

– Войной, – ответил он.

И где-то вдалеке будто ударили десятки военных барабанов. Они слились с небесным треском, а в следующий миг Анис с разворота ударила ногой Брустра в грудь и, отбросив его на несколько шагов, размазалась алой молнией.

Точно такой же исчез и сам глава клана Хищных Клинков.

И пока тысячи глаз были прикованы к происходящему под защитным куполом, Хаджар, скрытый тенями своего друга, смотря за тем, как стекают капли дождя по его мечу, направился обратно в замок Хищных Клинков.

Где-то там его ждал законный наследник клана Динос, Парис Динос.

И этот вечер должен был стать последним в его жизни. Как того пожелала Анис, которой Хаджар принес клятву. Клятву, которую он не мог преступить.

Глава 957

Хаджар прекрасно знал, куда ему идти, Анис успела в подробностях за эти три дня описать все переходы и коридоры в замке Диносов. Несколько раз при помощи нейросети Хаджар конструировал в разуме копию замка и теперь ориентировался в нем ничуть не хуже, чем в доме Оруна.

Свернув около гобелена с изображением пляшущего существа, отдаленно похожего на тролля, Хаджар оказался перед массивными воротами.

Именно так Хищные Клинки – воротами с засовом – отделяли женское крыло от мужского. Около входа стояли два охранника. Суровые мечники, покрытые шрамами боевой славы. В кожаных доспехах и с клинками наголо.

Они словно ждали Хаджара.

Рыцари духа развитой стадии, каждый из них обладал мистериями “Оружия в сердце”. Элитные бойцы, которых вскормила машина клана Диносов.

Хаджар проскользил по полу. Взмахом руки он развеял серебристую технику первого из мечников. Поднырнув ему под руку, Хаджар обхватил чужое запястье и развернул под неестественным углом. Сухой хруст слился со вскриком жуткой боли, а затем собственный меч стражника пронзил его собственное горло.

Не останавливаясь, Хаджар развернулся на пятках и подставил тело, которое держал одной лишь левой рукой, под поток точно такой же серебристой техники. Слившиеся воедино десятки стремительных секущих ударов превратили еще агонизирующий труп в кровавые лохмотья.

Хаджар, сжимая обрубок руки, которая держала меч с лежащей на плоскости лезвия головой, легонько толкнул его вперед. Клинок стражника, со свистом рассекая пространство, превращаясь в синюю молнию, пробил насквозь грудь второго противника и, вонзившись в стену, погрузился в волшебный камень по самую рукоять.

Стражник, еще не понимая, что уже погиб, сделал один, затем второй шаг вперед, замахнулся мечом, но вот его глаза остекленели, и воин сломанной куклой рухнул сначала на колени, а затем и лицом в лужу собственной крови.

Все произошедшее не потребовало от Хаджара больше трех движений и произошло быстрее, чем за удар сердца.

Подойдя к трупу, Хаджар наклонился и прикрыл тому глаза. Нисколько не заботясь о том, что одежды его Зова пачкаются в крови, прочитал несколько молитв за упокой души.

Сколько ласканцев этот воин мог одолеть на войне? Сколько жителей Дарнаса защитить от той участи, что постигла его самого?

Война – страшное дело, но гражданская война...

Правую руку Хаджара обожгла вспышка страшной силы. На ладони еще блестел никому, кроме него самого, не видимый шрам, оставленный принесенной на крови клятвой. Его нельзя было ни стереть, ни скрыть.

Клятва вела Хаджара вперед, и он, поднявшись, выдохнул волей, сопряженной с мистериями духов меча и ветра.

Массивные ворота, закрытые засовами магии и стали, разнесло в щепки. Влетая внутрь широкого коридора, чей свод терялся где-то в вышине, они градом осыпались на головы защитниц крыла.

Сотня стражниц выставила перед собой клинки со щитами.

– Держать строй! – гаркнула стоявшая в середине построения офицер. – Уничтожить вторженца!

Хаджар лишь вздохнул. Так и не обнажив клинка, он неуловимым глазу стремительным, как молния, но легким, будто перо, потоком синего ветра ворвался в строй противника.

* * *

– Наглая девчонка! – Глаза Брустра блестели от ярости и гнева. Вокруг него яркими всполохами бушевала алая энергия, вливавшаяся в технику “Кровавой охоты” клана Хищного Клинки.

Для зрителей Анис и Брустр появлялись лишь редкими вспышками застывших силуэтов. Будто два изваяния, они застывали в позах фехтующих мечников. Каждое их следующее движение продолжало предыдущие, но тела появлялись в абсолютно разных точках сокрытой под волшебным щитом тренировочной площадки.

– Сегодня ты отправишься следом за своим отцом!

Брустр с ревом развернул руку – и выпад, который он направил в грудь Анис, мгновенно превратился в восходящий режущий удар. Поток алого света, похожего на лоскут огромного кровавого рукава, понесся следом за его Божественным клинком.

Несмотря на то что оба сражающихся использовали одну и ту же технику, их стили различались.

Брустр наседали с усердием быка и яростью обезумевшего носорога. Он наступал так рьяно и открыто, что казалось, будто глава Хищных Клинков не заботится о защите.

Но именно нападение и было его защитой. Яростное и неудержимое, не оставляющее и доли секунды на размышления и даже самого миниатюрного окошка на контратаку.

Брустр выглядел голодным зверем, который собирался отобрать у врага все до самой последней крошки.

Анис же, напротив, была легкой и незаметной. Как дуновение весеннего ветра. Как осенний лист, ласкающий потоки ветра. Как песчинка, брошенная в объятья золотого пляжа.

Она лишь слегка оттолкнулась мыском стопы от земли и, разорвав дистанцию, пропустила поток алого света в дюйме от своего лица.

Вторым движением она, огибая Брустра, проскользила по широкой дуге. Подол ее юбки распахнулся крыльями ворона, и хищной птицей Анис, продолжая “Кровавую” технику, опустила меч в рубящем ударе прямо на голову Брустру.

Тот поднял клинок, чтобы защититься, и в этом движении собралось столько силы и мощи, что вокруг него затрещала земля. Вместе с клинком поднялись и многотонные куски породы. Пушечными снарядами они полетели в Анис, и океан алой энергии разлился под ней.

Сама мысль о том, что она могла бы пронзить подобную защиту, казалось невероятной. Стоило клинку Анис коснуться этой пелены алого сияния, внутри которой кружились вихри мощи Божественного артефакта, “Меча синего ветра” (именно это название и вдохновляло Хаджара на наименование его “собственного” “Королевства”), как она была бы не просто заблокирована подобной мощью, но и мгновенно уничтожена.

Но, когда зрители уже облегченно выдохнули, радуясь победе Брустра, Анис внезапно исчезла и появилась уже в совсем ином месте.

Техника “Кровавого бега” семьи Динос не была всемогуща. Она была способна изменить траекторию движения и буквально переместить воина, но лишь один раз за одно движение. Анис уже использовала ее, чтобы оказаться в позиции “над” дядей. А теперь, исчезнув второй раз, все с тем же рубящим ударом она оказалась у него за спиной.

– Что?! – Брустр, буквально разрывая жилы, пытался перенести защитный океан в другое положение, но явно не успевал. – Двойной шаг?! Как ты можешь его исп...

– УМРИ! – закричала Анис.

Ее меч, позади которого так же вспыхнул алый океан, обрушился прямо на позвоночник Брустру.

Толпа зрителей ахнула второй раз. Но, вместо того чтобы увидеть фонтан крови, рассеченные кости и падающие на песок площадки внутренности, под ритм дождя, сливаясь со вспышками молнии, сверкнули искры.

С пояса Брустра, стремительно покрываясь ржавчиной, падал один из многочисленных амулетов.

Правила дуэли, которые выбрал Хаджар, позволяли обоим сражавшимся использовать любые амулеты, талисманы или артефакты, которые только имел в своем распоряжении адепт.

Брустр хорошо подготовился к битве с учеником Тирисфаля. Он взял с собой все защитные и атакующие талисманы, которые только смог нажать за все прошедшие века. Но даже подумать не мог, что он, Безымянный адепт, владеющий “Герцогством меча”, будет вынужден использовать хоть один в битве с Рыцарем духа развитой стадии, которая лишь недавно, по его меркам, постигла “Оружие в сердце”.

Опустив меч и спокойно повернувшись к Анис, Брустр, подставив лицо холодным каплям дождя, игнорировал гремящий за его спиной дождь каменный.

Многотонные глыбы, вырванные из земли, падали на площадку, превращая ее из ровной поверхности в жуткого вида каменный сад.

– Если ты так скучаешь по отцу и матери, Анис, – прошептал глава Хищных Клинков, – я как можно скорее отправлю тебя к ним.

С этими словами он позволил высвободиться своему “Королевству”.

Глава 958

Хаджар почувствовал, как где-то у подножья замка развернулось могущественное “Герцогство меча”. Оно лизнуло стены древней постройки, заставив ее пошатнуться.

Задрожали потоки Реки Мира, и мистерии вспыхнули алыми огнями. Не было никакого сомнения в том, что Брустр действительно по праву являлся главой клана Хищных Клинков.

Если бы не великие герои с их “Истинными королевствами” и Божественными техниками, то именно такие, как Брустр Динос, стояли бы на вершине силы семи империй.

Хаджар ворвался в строй из сорока Рыцарей духа развитой стадии и десятка Повелителей начальной стадии и одной средней. Чем бы ни окончился сегодняшний вечер, клан Хищных Клинков потеряет половину своих лучших бойцов. И этого было не избежать.

Хаджар двигался как сорвавшийся с цепи духа северных ветров ураган и сражался подобно дикому зверю. Без жалости и сомнений, без лишней красоты и плавности.

Каждое его движение имело только одну цель – убить. Каждый его удар – только одну мишень – самую уязвимую. В этом не было красоты плавных взмахов и легких ударов, обманных движений и ложных выпадов.

Хаджар сражался так, чтобы как можно быстрее отправить к праотцам противника, чтобы перейти к следующему, и так до тех пор, пока не останется лишь он один.

Пока другие фехтовали, Хаджар воевал. Пока другие дрались и боролись, Хаджар воевал.

Вся его жизнь с самого рождения, что в мире Земли, что в этом – безымянном, волшебном мире – непрерывающаяся война за следующий вздох.

Хаджар, пожалуй, не был хорошим воином, но он был прекрасным солдатом.

Тыльной стороной ладони отбив вражеский клинок, Хаджар закрутился юлой. Его локоть топором ударил в висок стражницы. Сминая шлем, будто фольгу, он на две части рассек череп девушки, но не остановился, чтобы изменить траекторию движения.

Наоборот, лишь набирая скорость, выхватил из немеющих рук чужой клинок и сделал один короткий взмах.

Ревущий поток синего ветра, внутри которого плясали драконы-удары меча, ударил по ряду стражниц.

Их соединившиеся воедино вспыхнувшие алой энергией щиты начали трещать и прогибаться под потоком. Но все же они смогли выдержать. Выдержать даже не технику, а простой будничным взмах меча Хаджара. Почти как тот, что Черный Генерал исполнил для своего художника.

Меч в руках Хаджара, не выдержав уровня прошедших сквозь него энергий и мистерий, рассыпался в прах. Осталась лишь рукоять и торчащий из нее обломок лезвия.

Этого было достаточно...

Не останавливаясь, продолжая движение, Хаджар присел и, пропустив над собой выпад очередной стражницы, вонзил обломок ей под нижнюю челюсть.

Теплая кровь полилась ему на ладонь. Он взмахнул ей, будто отряхиваясь, и каждая из сотен капель чужой крови вспыхнула мистериями духов меча и ветра.

Они градом осыпались на все те щиты, удерживая строй стражниц на месте. Те, кто не успел скрыться за щитами, падали пронзенными насквозь.

А Хаджар продолжал свой бег. Ударами кулака он крошил артефактную броню. Разбивая ее вдребезги, буквально вбивая острые обрывки в тела стражниц, превращая их кости и внутренности в кровавое месиво, он лишь продвигался все дальше.

Каждый его удар ломал чьи-то кости, крошил чьи-то черепа, вырывал глотки или, выхватывая мечи, пронзал ими собственных хозяев.

Оказавшись перед строем щитов, Хаджар согнул пальцы когтями и буквально разорвал ими щит одной из стражниц. Первой половиной он пронзил саму владелицу, а второй отсек голову стоявшей рядом.

На него обрушился град ударов из клинков. Но ни один из них не успевал даже коснуться одежд Зова, не то что попробовать их на крепость.

Хаджар оказался за спиной стражницы, которая замахнулась для секущего удара. Мощный пинок по локтю вырвал ее руку из плечевого сустава. Меч, сжимаемый оторванной конечностью, пробивая шлем, вонзился между глаз спешащей на выручку мечницы.

Девушка закричала, машинально схватилась за место, где только что была рука, окунаясь в фонтан крови, бьющей из него.

Она опустилась на колени, а затем стихла, когда стопа Хаджара опустилась ей на затылок.

Хаджар рванул дальше.

Его колено пикой вонзилось в чужой подбородок, и чья-то голова пушечным снарядом вбилась в стену, прочно там застряв. На развороте, продолжая движение, пяткой он вонзился в стальной живот. Тело согнулось и веревкой оплелось вдоль его ноги. А затем стрелой улетело сквозь витраж...

* * *

На зрителей посыпались острые разноцветные осколки разбитого стекла, но на них никто не обращал внимания. Как не обращали внимания и на приземлившееся где-то около крепостной стены изломанное нечто, в котором с трудом угадывались очертания лат и некогда носившей их воительницы.

Недавние гости, а теперь невольные свидетели свершающейся мести или, может, даже правосудия, они смотрели на алые, будто огненные, всполохи “Герцогства меча” Брустра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.